

Беседа у камня

№8

Содержание

От редакции	2
Стихи	
Ольга Лепина	3
Иван Гладких	16
Максим Мазаев	24
Татьяна Барышникова	29
Наталья Дичёва	41
Лиса Салливан	46
Евгений Пивень	49
Анастасия Мануйлова	54
Проза	
Сергей Преображенский	5
Ольга [prime-time]	26
Катерина Лаврова	35
Эдуард Адамант	45
Павел Селуков	47
Кирилл Сорокин	55
Рисунки	
Ольга Неводова	Обложка, 15, 18, 23, 28, 31
Артур Кльован	34, 44, 48, 53
Публицистика	
Павел Каравдин «О научном самиздате»	19
Рубрики	
Казнить нельзя помиловать	32
Работа над ошибками	50

От редакции

Здравствуйтесь, дорогие наши читатели!

Перед Вами уже восьмой (а если считать еще и наш сборник, то смело можно сказать, что девятый) выпуск электронной газеты "Беседы у камина". Этот номер получился, пожалуй, самым необычным из всех номеров, что мы делали до сих пор. На этот раз в номер вошли только графические рисунки, которые любезно предоставили нам художники Ольга Неводова и Артур Кльован.

С этого же выпуска начинается свою деятельность рубрика "Работа над ошибками". Для рубрики отбирается одно из предложенных произведений, и впоследствии над ним ведется работа по исправлению и улучшению текста. К работе привлечены автор текста и эксперты, имеющие филологическое образование. Результатом такой работы для участника рубрики становится улучшенный текст, а для нас с Вами — заметка, в которой отражены некоторые особенности хода этой работы, а также представлены два варианта текста: до и после исправления.

Раздел "Публицистика" продолжает тему самиздата, начатую в одном из предыдущих номеров, статьей Павла Каравдина "О научном самиздате". Статья касается мало кому известной темы научного самиздата и рассказывает об одном из представителей этой ниши в мире периодики. Это Журнал научно-физического кружка им. М.В. Ломоносова, который начал свою деятельность в 1965 году.

Также в восьмой номер вошла очередная статья из цикла "Казнить нельзя помиловать". На этот раз мы поговорим о правильном и неправильном употреблении фразеологизмов. В следующем, девятом, номере тему фразеологизмов продолжит статья из цикла "Об истории языка", которая расскажет об их этимологии.

Напоминаем, что неумолимо приближается день рождения газеты: "Беседам у камина" исполнится два года. Произойдет это 20 октября. Чтобы отметить это маленькое, но знаменательное для нас событие, мы проведем конкурс. Конкурс этот пройдет сразу на трех ресурсах, где газета имеет свои представительства. Это социальная сеть "ВКонтакте", сервер современной поэзии "Стихи.ру" и сервер современной прозы "Проза.ру". Подробности о конкурсе будут опубликованы на сайте газеты и страничках-представительствах нашего издания.

Завершает номер небольшая заметка со словами благодарности всем тем людям, которые работали над выпуском, и без которых восьмой номер не состоялся бы. Спасибо Вам!

Приятного прочтения, дорогие наши читатели!

Всегда Ваша, редакция БУКа.

Ольга Лещина

Одиночество в толпе

Доползти на сбитых коленях и схватиться рукой за дверь,
Как в далёком детстве цеплялась за рукав не своих матерей,
Как кричала вдогонку кому-то это вязкое слово «постой!»,
И, заплавав, летела на землю, ударяясь о камни спиной.

И лежала, закрыв глаза, ветер бил по мокрым щекам,
Только в сердце ещё хранилась вера в чудо, как у щенка,
Что его подберут, обогреют, и он станет всеобщим любимцем.
Время шло, проходили люди, но никто не решил наклониться

И помочь...

ты одна среди толпы, ты одна даже в собственной комнате,
И ты медленно катишься вниз по предательски гладкой наклонности.
Этажи, этажи, этажи... не запутаться, не заблудиться
В этом проклятом замке судьбы.

Как во сне, равнодушные лица,

Вереницей рекламные стенды и слепящие фары машин —
Это чёртов каменный склеп мёртвых душ и душевных мерил.
Даже если кто-то окажется слишком близко, то бросит потом,
А ты тычешься в шею ему раскалённым от нежности лбом,

Мол, я буду хорошей и верной, только, милый мой, приюти,
Можно просто случайной встречной, коль не выйду на роль жены.
Он молчит. Ты молчишь и думаешь: почему же так много любви
И куда её деть? Может просто, своё сердце в ломбард отнести?

В горле комом с кулак надежда, ранит связки, словно наждак
Недокуренная сигарета, пара писем, одна тетрадь —
Сколько можно? Да столько, сколько это будет другим угодно.
Твои мысли и чувства твои безнадежно вышли из моды.

Ты молчишь. Он молчит. Уходит, становясь одной из потерь.
На столе недоеденный ужин, чашка чая и связка ключей —
Это все, что ещё осталось, впрочем, нужно ль оно теперь,
Все равно ты не сможешь выбраться, даже если откроешь дверь.

Ты осенний жухлый листочек, что украсил собой тротуар,
Тебя утром сметает дворник — старый Бог с сигаретой в зубах.

Марской бай

Эмоций столько, что хотелось пять страниц,
А не смогла ни слов, ни букв, ни точки
Над это самой проклятущей "і",
Теперь стоишь одна,
как памятник, на площади,
Вцепившись в мир, как нищенка в рукав
Прохожего, и затаив дыхание,
Не веришь в то, что все уже не так,
Как было раньше...
А4, и ты ранена.

И твой спасительный ковчег идёт ко дну,
Крениться влево всем своим массивным телом.
Но те, кто там, на дальнем берегу —
Пришли глазеть, не разделять твою проблему.
Они посмотрят пять минут и разойдутся,
Утратив вкус, азарт и интерес,
Забыв потом. Но, знаешь, самый ужас
И крах, что ты сама в противовес

Не крикнешь им, не выстонешь ни звука,
Лишь от того, что в лёгких как вода,
Тупая боль, лишившая рассудка,
Засела насмерть острием винта.
Крушенье... полное душевное крушенье.
И ты барахтаешься в пене и крови,
Глотая соль. Но помощь не успеет —
За сотню миль нет ни одной Души.
А ты ещё хватаешься за щепки
Ладонями, и волны бьют в лицо...
Да только пальцы не настолько цепки,
Ты разжимаешь их... Последний вдох... и все.

Тебя найдут наутро...
посреди площади,
В снегу, замершую от слез и ото лжи
Ты попадёшь, наверно, даже в новости
Той самой точкой над извечной "і".

Все станут плакать, сокрушаться, но для вида
На самом деле —
В4. Ты убита.

Сергей Преображенский

Крыса

Мы прибудем в дивный град,
Где нам всякий будет рад —
Прямо в ад!

С. Мавроди

«Свинья! Наглая жирная свинья! — с раздражением думал Артур, выходя из метро, — Визжит, словно её режут! Бизнесвумен! Поставить бы эту бизнесвумен раком прямо на её огромном столе и вдуть ей по самые...»

Артуру Ломову было тридцать четыре и всё у него было как у людей — дом, жена, ребёнок, смерть впереди и смерть внутри. И ещё у него была работа, которую он ненавидел. Точнее сама работа не вызвала у него отторжения, работа как работа не хуже, чем у других. Не нравилось ему начальство (кому оно нравится?). И даже не все начальство, а только директриса, та самая, которой он собирался «вдуть». Холеная и надменная, она разговаривала с людьми с неприкрытой брезгливостью, через губу, искренне и глубоко презирая окружавшее её «быдло». Ломова в том числе. Он был для неё никто, менеджер, каких миллионы, даже не насекомое, а так, бактерия, офисный планктон. Она не увольняла его до сих пор только потому, что не было случая. А тут грянул кризис, и по офису поползли слухи о сокращении.

И как назло Артур в квартальном отчёте перепутал какие-то цифры. Маргарита Николаевна вызвала его в кабинет, и орала так словно он нищего на паперти зарезал и ограбил! Мало того, что вычла из зарплаты 30 процентов, так ещё обещала в следующий раз уволить! Да он сам бы уволился в тот же день! Если бы у него были деньги, настоящие большие деньги, скажем, миллион долларов!

Артур вдруг представил как он в дорогом темно-сером костюме от Версаче, с маленьким чемоданчиком в руке, не обращая внимания на вопли секретарши, ударом ноги открывает дверь и заходит в ненавистный кабинет. Как округляются и без того круглые глупые глаза директрисы.

«Что вам, Ломов?» — спрашивает она.

«У меня деловое предложение! — говорит он и кладёт кейс на стол, — Я хочу трахнуть вас... нет тебя! Да, трахнуть тебя сейчас, на этом столе за миллион долларов! Сзади, как похотливую сучку!»

«Да вы пьяны Ломов, немедленно покиньте мой ка...» — говорит директриса и последнее слово застревает у неё в горле, потому что в этот момент Артур открывает чемодан, и она видит тугие зелёные пачки с настоящими американскими деньгами.

Директриса с трудом отрывает взгляд от долларов, смотрит на Ломова, затем опять на деньги. Её примитивный мозг пытается осознать нестандартную ситуацию и начинает закипать.

«Откуда это у вас, Ломов?» — произносит она, сглотнув набежавшую слюну.

«Какая разница? Ты согласна?»

Лицо женщины покрывается красными пятнами, становится растерянным и даже каким-то жалким.

«Это так неожиданно... — бормочет она, — а если кто-нибудь войдёт?»

Ломов ничего не отвечает, и только смотрит на директрису, наслаждаясь её замешательством.

Наконец, справившись с волнением, она нажимает кнопку селектора:

«Лена, ко мне никого не пускать! Я занята!»

Затем поднимает глаза на Ломова и начинает дрожащими пальцами растёгивать кофточку, пуговицы не слушаются её, бросает, хватается за молнию на юбке.

В этот момент Ломов захлопывает чемодан и снимает его со стола.

«Всего хорошего!» — говорит он.

«В каком смысле?» — растерянно спрашивает директриса.

«Я передумал!» — спокойно отвечает Артур и, не оглядываясь, выходит из кабинета...

Он так замечтался, что едва не угодил под колеса, причём прямо на пешеходном переходе. Какой-то придурок на тонированной девятке пронёсся у него перед носом, Артур едва успел отскочить, но не рассчитал силы и свалился в лужу.

«Нет, так не годится, — подумал он, поднимаясь на ноги и стряхивая грязь с куртки, — надо срочно выпить!»

Пивная, оказалась весьма задрипанной, но это Ломова не смутило. Взяв две кружки пива, он с трудом нашёл в сизом дыму свободный столик и сделал, наконец, свой первый длинный глоток.

— Тебя вздрючила начальница, а ты совершенно ни в чем не виноват? — услышал Артур у себя над ухом сухой надтреснутый голос.

Он поднял глаза и увидел, что к нему за столик пристроился ханьжского вида мужичок с недельной щетиной и двумя кружками светлого. Поскольку вопрос носил чисто риторический характер, Артур в ответ лишь неопределённо хмыкнул.

— А теперь спроси меня, откуда я это знаю? — не хотел отставать незнакомец.

— Что «это»?

— Ну, то, что тебя ни за что ни про что поимела твоя начальница?

— Ну и откуда ты это знаешь? — спросил Артур, чтобы отвязаться от назойливого типа.

— Все очень просто — я Бог! — торжествующим тоном сообщил незнакомец. И заметив недоумение в глазах собеседника, пояснил:

— Ну, тот, кто сотворил Землю, Небо и все это! — он обвёл взглядом прокуренную пивнушку.

Жизнь Артура Ломова складывалась так, что к подобным встречам он оказался не готов.

— Ага, точно, именно таким я тебя и представлял! — саркастически хмыкнул он.

Но самозванец, как оказалось, вовсе не собирался шутить.

— А ты что хотел? Я так выгляжу из-за тебя! Потому, что ты именно так меня представляешь! А будь ты индусом, то у меня сейчас могла бы быть слоновья голова и длинный хобот. А если бы ты был индейцем майя...

— Не надо, я все понял, — остановил его Артур, — Только не надейся, что я буду покупать тебе пиво!

— Не смей меня! Я могу сотворить столько пива, что оно затопит не только всю вашу Москву, но и всю планету! А что, не плохая идея — всемирный пивной потоп! Давно пора! Жалкие людишки, совсем страх потеряли, творят что хотят! Я создал для вас такую прекрасную планету: голубые моря, заснеженные горы, тенистые леса, хрустальные воды рек! И во что вы все это превратили?

«Да у парня, похоже, беда с головой!» — думал Артур, слушая бредни непрошеного собутыльника.

Наконец он не выдержал:

— Уж если ты такой всемогущий, не мог бы ты, просто в качестве развлечения, сотворить для меня, скажем, небольшой чемоданчик с миллионом долларов? — попросил Ломов.

— Мог бы, — ответил самозванец, ничуть не смутившись, — но не буду. Видишь ли, деньги это такая вещь... сколько тебе ни дай, все равно очень скоро ты почувствуешь, что этого мало. Лучше я сделаю так, что ты вообще никогда не будешь нуждаться в деньгах. Идёт?

Артур неопределённо пожал плечами.

— Я превращу тебя, ну, скажем... — незнакомец на секунду задумался, — в крысу!

— Я не хочу в крысу, — испугался вдруг Ломов, — они мерзкие и противные!

— Нет, нет, именно в крысу! Большую чёрную крысу! Но не сегодня, завтра. А пока — пей своё пиво!

— Постой! Не надо меня ни в кого превращать! — крикнул Артур, но ханыга уже растворился в сигаретном дыму.

Артур долго не мог попасть ключом в замочную скважину, а когда ему, наконец, удалось открыть дверь, он увидел жену в халате с помятым ночным лицом.

— Где ты шляешься? — недобро спросила она, — Ты знаешь, сколько сейчас времени? И почему мобильник не отвечает?

— Разрядился, наверное... — пробормотал Артур, едва ворочая языком.

— Да ты ещё и пьян! — проговорила жена и брезгливо поморщилась, — И с кем же ты так набрался?

— Ты не поверишь — с Богом!

— Идиот! — сказала жена, и залепила Артуру тапкой по голове.

— Я не шучу! Я и в самом деле пил пиво с Богом, и он обещал превратить меня в крысу! Завтра! — ему вдруг сделалось смешно, и он стал давиться смехом, — Представляешь, завтра ты проснёшься, а у тебя муж — крыса, точнее крыс! Но это завтра, а сейчас я хочу спать!

— Придурок, ботинки сними! — сказала жена и ушла на кухню.

Ломов с трудом скинул туфли, прошёл в спальню и, не раздеваясь, рухнул на постель.

Снилась ему какая-то чушь: Маргарита Николаевна совершенно голая, в одних туфлях, разгуливала по офису, отчитывала нерадивых сотрудников, давала ценные указания. Подчинённые с серьёзным видом выслушивали её и кивали головами. И только один Артур давился от едва сдерживаемого смеха. Но когда голая директриса стала учить электрика как правильно ставить розетку, он не выдержал и буквально заржал в голос.

— Ломов, что с вами? — строго спросила Маргарита Николаевна, — Я что, сказала что-то смешное? Кстати, как вы собираетесь возмещать тот колоссальный убыток, который нанесли фирме своими ошибками в отчёте? У вас есть миллион долларов?

— У меня? — удивился Артур — Откуда?

— Тогда мы могли бы отрезать вам руку! — предложила Маргарита Николаевна, — Хотя постойте! Скажите, вы пьёте?

— Нет!

— Это хорошо, что вы не пьёте, тогда мы заберём у вас печень. Или нет, лучше почку, ведь у вас их две!

И тут Артур увидел, как в руке у директрисы блеснул огромный кухонный нож. Он понял, что пора бежать, но ноги вдруг сделались ватными, и он не мог сдвинуться с места.

Проснувшись на следующее утро с больной головой, Артур первым делом попытался понять, почему же ему так плохо? Очевидно, потому что вчера напился. Он напряг мозг, и ему удалось вспомнить скандал, устроенный директрисой, а также обещание уволить. После такого грех было не напиться! Но где? Этого он не помнил.

Впрочем, времени на раздумье не было, он уже и так опаздывал на работу. Глотнув холодного чая из стоявшей на столе чашки, он быстро оделся и выскочил на улицу.

Несмотря на все старания, Ломов на работу все-таки опоздал. Едва он уселся за свой стол и включил компьютер, как позвонила секретарша и сообщила, что его срочно хочет видеть Маргарита Николаевна. На душе сразу сделалось гадко и холодно.

Артур честно пытался вслед за Чеховым выдавливать из себя по каплям раба, но получалось как-то не очень. Он мог сколько угодно убеждать себя, что самое худшее, что может сделать с ним эта женщина — это уволить. Только и всего! Но ведь у него есть руки, ноги и голова на плечах, он не умрёт с голоду. Но стоило ему оказаться в директорском кабинете, как все логические доводы моментально испарялись, и оставался только один животный необъяснимый иррациональный страх. Этот мерзкий визгливый голос вытаскивал из глубин его подсознания такое, о существовании чего он даже не подозревал. Он буквально физически ощущал, как начинает уменьшаться в размерах.

Вот и сейчас, стоя перед огромным директорским столом, словно провинившийся школьник, он не мог отделаться от ощущения собственного ничтожества.

— Мало того, что вы не в состоянии написать элементарный отчёт, — гремел у него в ушах голос Маргариты Николаевны, — так вы ещё и опаздываете! Вам что, не нравится ваша работа? Или вы хотите, чтобы вас сократили?!

Ломов вдруг представил, что его и в самом деле сократили, и в ту же секунду увидел, как все предметы в директорском кабинете, включая хозяйку, стали стремительно расти. Он не сразу

догадался, что на самом деле никто и ничто не растёт, а это он сам уменьшается в размере.

— Артур Валентинович, что вы делаете? — заметила, наконец, директриса странные метаморфозы подчинённого, — Немедленно прекратите, я вам приказываю!

Но Ломов уже был не в состоянии что-либо прекратить. Вот уже и на край директорского стола он смотрит снизу вверх, а через пару секунд он понял, что рост его не превышает высоту женской туфли.

— Крыса! — завизжала вдруг Маргарита Николаевна, и с неожиданной резвостью запрыгнула на стол, — Лена, скорее сюда!

Просвистев в нескольких сантиметрах от его виска, массивная хрустальная пепельница с глухим стуком ударилась о ковёр, и Артур понял, что любое промедление может стоить ему жизни. Со всех ног он бросился под шкаф, а вслед ему полетел мобильный телефон и несколько нецензурных слов.

— Где крыса, Маргарита Николаевна? — спросила прибежавшая на крик секретарша.

— Она спряталась под шкаф! Зовите скорее охранника, шкаф надо срочно отодвинуть пока она не убежала!

Поняв, что здесь ему не спастись, Артур стал искать выход и скоро обнаружил щель между плинтусом и стеной. С трудом протиснувшись в узкое отверстие, он оказался в простенке между капитальной стеной и гипсокартонными панелями, которыми был обшит кабинет. Только теперь он почувствовал себя в относительной безопасности и попытался проанализировать ситуацию.

Во-первых, он понял, что не только сократился в размере, но, что ещё неприятнее, — превратился в крысу (ему никогда не нравились крысы). Это следовало не только из воплей директрисы (она ещё и не так могла обзывать своего подчинённого!), но главным образом из длинного голого хвоста, волочившегося вслед за ним. И только тут Артур вспомнил вчерашнее посещение пивной и ханыжного типа, назвавшегося Богом.

Надо сказать, что вчера он отнёсся к своему случайному собутыльнику довольно легкомысленно, но теперь под давлением обстоятельств, вынужден был признать, что самозванец далеко не так прост, как это показалось ему на первый взгляд. Конечно, он никакой не Бог, это ясно. Но кто? Додумывать эту мысль почему-то не хотелось.

Между тем, пришёл охранник, отодвинули шкаф. Долго и безуспешно искали Артура, но нашли только щель в стене.

— Она, наверное, в эту дыру залезла, — сказал охранник, — теперь её оттуда не выкуришь! Не ломать же стену!

Потом приходил завхоз и ещё какие-то люди, шумели, двигали мебель.

Эта суета утомила Ломова, и он задремал, а когда проснулся, стояла мёртвая тишина. Очевидно, рабочий день уже закончился, и все разошлись по домам. Есть хотелось ужасно, впрочем, не удивительно, ведь он ничего не ел со вчерашнего дня. И тут его ноздри уловили восхитительный запах, он шёл из кабинета директора, просачивался сквозь щели в стене, проникал в мозг и вызывал мучительное слюноотделение.

Преодолев страх, Ломов осторожно вылез из укрытия и, пригнувшись, двинулся в направлении источника соблазнительного аромата. Очень скоро он понял, что запах доносится из ящика стола. По проводам, идущим к монитору, он ловко забрался на стол, но ящик оказался закрыт, и слабым крысиным лапам Артура было просто не под силу его выдвинуть. К счастью, на столе нашёлся карандаш, он просунул его в щель и, действуя им как рычагом, довольно быстро открыл ящик. К своему разочарованию, он обнаружил там всего лишь кучу бесполезных бумаг, да перетянутую резинкой толстую пачку пятитысячных купюр. Самозванец не обманул, теперь деньги Ломова ничуть не интересовали, с досады он даже нагадил на них, но от этого голод только усилился.

«Дёрнул же меня черт просить у этого придурка миллион долларов?! — подумал он, прислушиваясь к голодным спазмам в желудке, — И все-таки, откуда этот запах? Не могут же деньги так восхитительно пахнуть!»

Он перерыл весь ящик, забитый дурацкими бумагами, и, наконец, нашёл в самом углу под каким-то контрактом маленький заплесневелый кусочек сыра. Ну да, конечно, это был сыр, только он мог издавать столь притягательный аромат.

Артур сгрыз его за пару секунд и, конечно, ни капли не наелся. Не удержавшись, он даже стал грызть договор, пропитавшийся сырным запахом.

— Ты что, контрактами питаешься? Смотри, язву заработаешь! — услышал Артур у себя за спиной ехидный голос и обернулся. На краешке стола сидела небольшая, но довольно симпатичная белая крыса.

— Привет! Меня Лариса зовут, — представилась крыса, — А ты Артур из отдела продаж!

— Точно, а ты откуда меня знаешь?

— Да я раньше работала в отделе логистики, меня уволили полгода назад.

— Лариса из логистики? Я тебя помню! — обрадовался Артур, — Такая симпатичная блондинка, ты ещё всегда носила очень короткие юбки, наши мужики просто шею себе сворачивали, когда ты шла по коридору.

— За это меня и уволили.

— Постой, ты что тоже, как я раньше была человеком?

— Все крысы когда-то были людьми, — философски заметила Лариса, — но страх превращает человека в животное.

— Что за бред? — скептически возразил Артур.

— Никакой не бред. Британские учёные проводили исследования и пришли к выводу, что за последние 40 лет коэффициент интеллекта у крыс вырос на 10 пунктов! Причём одновременно у всех крыс, живущих в разных уголках земного шара.

— И что? Крысы живут рядом с людьми и учатся у них разным хитрым штукам!

— Допустим. А ты знаешь, сколько людей каждый год в нашей стране исчезает бесследно? 80 тысяч! Вышел человек в ближайший магазин за хлебом и не вернулся!

— По-твоему, все они превращаются в крыс?

— Может и не все, но многие. Мы же с тобой превратились!

Против такого аргумента сложно было что-либо возразить, и Артур промолчал.

— Ой, да что это я тебе зубы заговариваю, — спохватилась Лариса, — ты же, наверное, голодный? Идём, я тут от новогоднего банкета кое-что припасла.

Лариса привела Артура в свою нору, где их ждал роскошный ужин: тут были и недоеденные бутерброды с бужениной и копчёной колбасой, и рыбное ассорти, и конечно сыр, много сыра.

Утолив голод, Артур повнимательнее пригляделся к Ларисе и вдруг понял, что она ему нравится. И даже её длинный голый хвост теперь не вызывал отвращения, а скорее казался пикантным. А какой дивный запах исходил от её небольшого, но такого ловкого тельца!

Не в силах противостоять зову плоти, он подошёл к ней сзади и положил лапки на плечи.

— Дорогой, сколько ты хочешь, чтобы у нас было крысят? Десять или пятнадцать? — спросила Лариса несколько минут спустя, уютно устраиваясь на плече Ломова.

— Что? Каких ещё крысят? — не понял Артур.

— Ну, как же? Мы ведь с тобой не предохранялись! А я очень плодовитая, в прошлый помет я принесла двенадцать крысят!

— О Боже! — простонал Ломов, — А нельзя сделать как-нибудь так, чтобы... ну ты понимаешь!

— Ты что, не хочешь, чтобы у нас были крысятки?

— Нет, ты меня неправильно поняла, дело не в этом! Просто это все как-то неожиданно...

— Что неожиданно? Если ты не хочешь крысят, так и скажи!

— Дело не в том, что я не хочу крысят. Понимаешь, с тобой это случилось давно, и за полгода ты уже, наверное, превратилась в настоящую крысу, чувствуешь как крыса и думаешь как крыса. А я ещё сегодня утром был человеком...

— Ты был офисным планктоном! — напомнила Лариса.

— Ладно, пусть так! Но я ходил на двух ногах, носил синий костюм, галстук в полоску и пил пиво «гёссер».

— Пиво можно достать на помойке, — подсказала Лариса, — Туда иногда выкидывают недопитые бутылки.

— Я не хочу пива с помойки, черт подери! — разозлился Артур, — И я не хочу быть крысой! С какой стати я должен быть крысой? За что, Господи? Вокруг столько настоящих подонков: воры, грабители, убийцы, насильники, растлители малолетних! Ну почему я?!

— Видно, такая у нас с тобой карма, — грустно вздохнула Лариса, — не бери в голову. Давай лучше спи, а завтра мы пойдём на помойку и найдём тебе пиво «гёссер».

Ломов уснул, и ему приснился дивный сон. В этом сне он опять был человеком.

Он лежал в небольшой светлой комнате на чистой простыне, укрытый до подбородка полосатым шерстяным одеялом. В окно светило ласковое весеннее солнышко, а на душе было легко и спокойно.

Он подумал, что, наверное, надо бы пойти умыться, и уже откинул одеяло, но в этот момент за дверью послышались голоса, шум. Артур вернул одеяло на место и сделал вид, что спит.

В комнату вошли люди, сквозь прищуренные веки Ломов мог видеть только ноги и полы белых халатов.

— А вот, Семен Аркадьевич, обратите внимание, очень интересный случай! — проговорил первый, довольно приятный, мужской голос, — Большой Ломов, вчера поступил. Гипоманиакальное возбуждение в острой форме, убеждён, что является крысой. Когда приехала бригада, метался по кабинету директора, кусался, царапался, пытался спрятаться под шкаф, едва удалось успокоить. Ему ввели 4 кубика аминазина. Когда он проснётся, то некоторое время будет адекватно воспринимать окружающую действительность, но через несколько часов действие препарата закончится.

— Очень хорошо! — ответил второй голос, — Аминазин продолжайте, добавьте ещё феназепам и электросудорожную терапию. Кто у нас следующий?

— Маклаков, Делириум тременс, поступил три дня назад...

Голоса стали меркнуть, сон постепенно растаял и Ломов обнаружил себя вновь лежащим в крысиной норе. Рядом сидела белая крыса и как-то странно (с нежностью?) смотрела на него.

— Лариса? Ты? — спросил он, разглядывая животное.

— Ну да, Лариса, кто же ещё?

— Знаешь Лариса, мне тут такой странный сон приснился! — не сдержавшись Ломов зевнул, — Как будто я опять стал человеком, лежу в чистой светлой комнате, приходят какие-то люди в белых халатах, что-то говорят. Вроде как, я заболел, лежу в больнице, и они меня лечат.

— Мне тоже первое время снилось нечто подобное, но потом все прошло, — успокоила его Лариса, — И у тебя тоже пройдёт!

— Да я не хочу, чтобы проходило! Наоборот. Пойми — я не хочу быть крысой, спать в этой вонючей норе, питаться отбросами! Я хочу быть человеком!

— К сожалению, это улица с односторонним движением.

— В каком смысле?

— Я спрашивала у других крыс. Ещё не было такого случая, чтобы крыса стала человеком.

— И что, нет никакой надежды?

— Если честно — ни малейшей. Ладно, хватит болтать, идём завтракать на помойку, а то вчера мы все запасы подъели!

— Я не пойду, — ответил Артур и лёг, положив голову на передние лапы.

— Хорошо, лежи. Тогда я принесу тебе чего-нибудь вкусенького. Хочешь протухшие селёдочные кишки?

— Нет.

— Тогда чего тебе принести?

— Я ничего не хочу.

— Так нельзя, Артурчик. Если ты не будешь есть, то заболеешь и скоро умрёшь!

— Вот и хорошо, все лучше, чем такая жизнь!

— Ты знаешь Артур, раньше я тоже так думала, но потом поняла одну очень простую вещь: раз мы, маргиналы, существуем...

— Маргиналы? — переспросил Ломов.

— Ну да — крысы, тараканы, сверчки и другие... Так вот, раз мы, маргиналы, существуем, значит это кому-то нужно!

— Кому? Офисному планктону? Чтобы они смотрели на нас и радовались, что это не им приходится рыться в помойке в поисках протухших селёдочных кишок?

— Ну да, хотя бы. И ещё, чтобы не забывали, что в любой момент они сами могут оказаться на нашем месте!

— Я не хочу быть пугалом для этих одноклеточных!

— А чего ты хочешь?

— Не знаю. Я жить не хочу, вот что!

— Надо быть осторожней с желаниями, — предупредила Лариса, — они имеют свойство сбываться!

— Ну и пусть! Я хочу умереть, и чем скорее, тем лучше!

— Дурное дело — не хитрое. Есть тысячи способов: можно нарочно залезть в мышеловку, или, к примеру, выйти вечером во двор и крикнуть: «Коты — пидарасы!»

— Пидарасы! Кретины! Придурки! — послышались из-за стены вопли Маргариты Николаевны, — Я вас всех уволю, вы у меня на помойке тухлятину жрать будете! Я вам ещё вчера сказала поймать крысу! Мало того, что эта тварь сгрызла контракт на миллион долларов, так ещё и обгадила мои деньги!

— Деньги можно отмыть, — робко посоветовал финансовый директор, — сейчас многие так делают!

— Вот вы, Марк Антонович, берите и отмывайте эти деньги, как хотите! А вы, Игорь Иванович, как начальник отдела безопасности, срочно займитесь крысой! И чтобы к завтрашнему утру я видела её труп!

— Тогда я поехал за мышеловками? — спросил Игорь Иванович.

— Идите, делайте уже что-нибудь! Не стойте как истуканы!

Артур не только не пошёл с Ларисой на помойку, но даже не притронулся к тем деликатесам, которые она ему принесла. Целый день он провалялся в норе, положив голову на лапы и тупо глядя перед собой.

Но к вечеру, когда еды уже не осталось, голод начал давать о себе знать. Мысли о самоубийстве куда-то испарились, хотелось сыра, ветчины, зерна, и, главное, побольше. Вначале он терпел, пытаясь скрыть своё малодушие, но потом не выдержал.

— Слушай Ларис, а там у тебя нечего погрызть не осталось? — спросил он.

— Нет, я все доела, ты же отказался! — ответила Лариса, — Но я думаю, пришло время навестить кабинет нашей директрисы. Рабочий день уже закончился, нам никто мешать не будет.

В кабинете их ожидали четыре мышеловки, обильно начинённые сыром, колбасой и даже салом.

— Дай мне карандаш! — попросила Лариса.

Артур слазил на стол и принёс карандаш. Лариса сунула его в мышеловку, и та с треском захлопнулась, преломив хребет карандашу.

— Ну вот, теперь можно спокойно есть сыр! — сказала она.

Пока Лариса возилась со следующей мышеловкой, Ломов решил самостоятельно поискать еду, и очень быстро нашёл в углу за тумбочкой блюдечко с мукой. Правда, запах у муки был немного странный, но голод был так силен, что он не стал привередничать.

— Какой ты смешной! — захихикала Лариса, увидев Артура, — у тебя усы белые, да и вся мордочка!

— Да это я тут... муку нашёл... — пробормотал Ломов и принялся смущённо тереть лапами морду.

— Постой, ты что, ел муку? — спросила Лариса, и взгляд её наполнился неподдельным ужасом.

— Да, а что? — медленно проговорил Артур, невольно заражаясь её страхом.

— Я так и знала! Тебя ни на секунду нельзя было оставлять одного, ты ведь как маленький ребёнок! Это я во всем виновата!

— Погоди причитать, объясни толком, что случилось?

— Есть такой старый способ уничтожения крыс и мышей. Муку перемешивают с алебастром и ставят на видное место. Теперь ты захочешь пить, алебастр смешается с водой, раствор тут же схватится, и ты умрёшь медленной и мучительной смертью.

— А если не пить?

— Тогда ты умрёшь от обезвоживания организма. Тоже не очень приятный конец.

— Постой, ты, наверное, ошиблась! Может, в той муке не было алебаstra? Ведь я не могу умереть, я такой молодой!

— Ладно, идём, посмотрим на твою муку! — вздохнула Лариса.

Ломов показал ей блюдечко, крыса тщательно обнюхала его и уверенно приговорила:

— Запах алебаstra!

— И что же теперь будет?
— Теперь ты умрёшь!
— Нет, этого не может быть! Ведь я даже ещё и не начал по настоящему жить, только все собирался! И главное — за что?
— Я не пойму, откуда вдруг такая жажда жизни? Всего несколько часов назад ты сам хотел умереть!
— Я был дурак! А теперь я все понял, я хочу жить! Жить кем угодно: слепым кротом, тараканом, червяком.
— Кем бы ты ни был, рано или поздно тебе все равно пришлось бы умереть. Или ты думал, что будешь жить вечно?
— Нет, конечно,— Артур смутился, — просто я не ожидал, что все произойдёт так стремительно и нелепо. Я не готов!
— Ну, так готовься, у тебя ещё есть время! Я же сказала, умирать ты будешь долго.
— Постой Ларис, кажется, началось!
— Что началось?
— Ну, то, о чем ты говорила. У меня там внутри что-то происходит. Такое ощущение... не знаю, как сказать. Вроде как все начинает каменеть!
— Я так и знала! Ну, все, иди, ищи свой последний приют!
— Какой ещё приют?
— Крыса, когда чувствует, что конец её близок, уходит от своих сородичей, ищет укромное место и прячется там.
— Зачем?
— Таков закон — каждый умирает в одиночку!
— Но я не хочу умирать в одиночку! Точнее я просто не хочу умирать! Впрочем, кажется, я это уже говорил.
— Конечно, говорил! Давай, уползай быстрее, пока ты ещё в состоянии передвигать лапы!

Артур долго бродил по каким-то лазам, проходам, подвалам, заползал в норы, но нигде не мог найти тихое спокойное место. Везде был крысиный запах, или того хуже кошачий. Наконец ему удалось найти вроде бы подходящую дыру, он улёгся на куче грязного тряпья, но едва он закрыл глаза, как явились какие-то черти и потащили его в ад.

— Опустите меня, — кричал он, — я не хочу в ад! За что? Я не сделал ничего плохого!

В ответ черти скалились и переругивались между собой на непонятном языке. А когда он стал вырываться, то они заломили ему руки (теперь у него было руки!) за спину.

Но самое страшное началось, когда прибыли на место. Черти вставили Артуру в горло воронку и стали заливать в него расплавленный свинец. Впрочем, может, это был и не свинец, а серебро, платина, или ещё какой белый металл.

Потом его рвало этим жидким металлом, и тогда ему опять вставляли воронку, и все начиналось сначала. Но этого чертям показалось мало, и они стали заливать в него тот же металл, только с другой стороны. Внутренности его раздулись, и казалось, вот-вот лопнут. Не выдержав мучений, Артур отключился.

А когда пришёл в себя, то увидел склонившееся над ним девичье личико ангельской красоты. И вдруг это ангельское лицо приблизилось к нему и впилося в его губы страстным поцелуем.

«Наверное, я в раю!» — подумал Артур.

— Кончай надрываться Лариска, не видишь, он уже оклемался! — раздался откуда-то сверху довольно неприятный женский голос.

Лариса отстранилась и сплюнула.

— А я уж думала, он никогда не очухается! — проговорила она, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Где я? — спросил Артур, оглядываясь по сторонам.

— Где, где, в Караганде! — ответила вторая девушка и закатилась жизнерадостным смехом, — Ты нам лучше скажи, дурик, зачем ты цемент ел?

— Цемент? Так это был цемент? — обрадовался Артур, — Точно не алебастр?

— У нас таджики ремонт делают, — пояснила девушка, — в коридоре мешки с цементом стоят, так ты прямо из мешка и ел. Джемшут прибежал, жалуется: «если ваши больные будут наш

цемент есть, чем нам ремонт делать?». Пришлось тебе промывание желудка делать, а ты с непривычки едва коньки не отбросил! Хорошо Лариска во время заметила, можно сказать, жизнь тебе спасла!

Медсестры ушли (он догадался, что это были медсестры по белым шапочкам и халатам) и Ломов принялся осматривать помещение. На стене в рамочке под стеклом он заметил довольно странный документ. Артур встал с кровати, подошёл поближе и стал читать.

«Памятка вновь прибывшим.

Восемь уровней ада.

1. Арбуда-нарака — ад волдырей. На тёмной промёрзшей долине, окружённой холодными горами, постоянно метель и снежная буря. Жители этого ада лишены одежды и одиноки, и от холода их тело покрывается волдырями. Время пребывания в этом аду — сколько займёт опустошить бочку зёрен кунжута, если раз в сто лет брать по одному зерну.

2. Нирарбуда-нарака — ад разбухающих волдырей. Этот ад ещё холоднее и волдыри разбухают и взрываются, оставляя тела покрытыми кровью и гноем.

3. Атата-нарака — ад, когда трясёт от холода.

4. Хахава-нарака — ад плача и стога. Когда жертва стонет от холода.

5. Хухува-нарака — ад стучащих зубов. Страшный озноб и зубы стучат.

6. Утпала-нарака — ад голубого лотоса, когда постоянный холод заставляет всю кожу посинеть подобно лилии.

7. Падма-нарака — лотосовый ад. Снежная пурга овеивает замёрзшее тело, оставляя кровавые раны.

8. Махападма-нарака — великий лотосовый ад. Всё тело трескается от холода, и внутренние органы от страшного мороза тоже растрескиваются.

Пребывание в каждом следующем уровне в 20 раз дольше, чем в предыдущем.

Потом...»

Что ждёт несчастного потом, Ломов узнать не успел — в палату вошёл врач. Пощупал пульс, оттянул веки, осмотрел язык.

— Ну что, больной, я вижу, состояние у вас стабилизировалось, пора на процедуры! — бодрым голосом сообщил он.

— Какие ещё процедуры? — с подозрением спросил Артур.

— Шоковая криотерапия.

— Что это? Никогда не слышал о такой!

— Не удивительно, это моя собственная методика. Заключается она в следующем: больного раздевают догола и помещают в специальную камеру, охлаждаемую до чрезвычайно низкой температуры...

— Постойте, меня нельзя морозить, я холода не переношу! У меня кожа покрывается пупырышками, и начинает всего колотить как в лихорадке!

— Ничего, привыкните, человек ко всему привыкает. Тем более, у вас впереди вечность!

— Да вы что доктор, с ума сошли? Какая ещё, к черту, вечность? Вы что, вечность меня собираетесь морозить? У меня сердце не выдержит, да я просто умру!

— Это вы с ума сошли, — возразил врач, — и теперь мы вас будем лечить!

— Не надо меня лечить, доктор! Да, признаю, я был болен, но теперь излечился. Поверьте, я здоров! Я адекватно воспринимаю окружающую меня реальность! Ради Бога, отпустите меня!

— Разве здоровый человек будет есть цемент? — саркастически ухмыльнулся врач.

Явились санитары. Ломов узнал в них тех самых чертей, которые заливали в него жидкий металл.

Они завязали пациенту глаза и повели по бесконечным больничным коридорам. Затем его долго везли на лифте, как ему показалось, вниз, а потом опять были коридоры.

— Меня нельзя морозить, — на всякий случай предупредил Артур, когда санитары стали вдруг стаскивать с него одежду, — У меня аллергия на холод. Я сразу умру!

— Теперь уже нет! — заверил санитар, продолжая раздевать Ломова.

— В каком смысле? — не понял Артур.
— В прямом! Ты, наверное, думаешь, что ты в психушке?
— Ну да, конечно! Где же ещё могут так издеваться над людьми?
— Надо же, «над людьми»! — хмыкнул санитар, — А ведь всего несколько часов назад ты считал себя крысой!
— Я был неправ! Но теперь, когда я осознал свои заблуждения, нет необходимости держать меня в вашей ужасной больнице!
— Я же сказал, это тебе не больница!
— А что же тогда?
— Древние греки называли это место Аид, мусульмане — Сакар, буддисты —Нарака, христиане — Преисподняя или просто Ад. Атеисты считают, что такого места и вовсе нет. Помнишь того придурка на тонированной девятке?
— Постойте, что вы хотите сказать? Но ведь я же успел отпрыгнуть!
— Как видно, все-таки не успел! — санитар саркастически хмыкнул, — Ты умер ещё до приезда скорой помощи!
— Как умер? Постойте, ведь я же... — попытался возразить Артур, но вдруг понял, что разговаривает сам с собой.
Он сорвал с глаз повязку и увидел, что стоит совершенно один, голый посреди бескрайней снежной равнины, а ледяной ветер лупит его по лицу, вырывая из глаз слезы, которые тут же застывают, превращаясь в ледышки.
Стоять на месте не было сил, и он пошёл наугад, дрожа всем телом и проваливаясь в снег чуть ли не по колено...

Oriza Heboqoba

Иван Глазких

Беседа у камина

Деревня. Ночь. Уютный дом соседа.
Хозяин, я и пара местных прим,
Не замечая времени, сидим,
Укутанные в клетчатые пледы...

Камин... Непринуждённые беседы...
Щекочет ноздри сладковатый дым,
Крадётся пламя по дровам, седым
От пепла... Завтра утром я уеду,

Но это только завтра, а сейчас —
Приятная истома, чай горячий,
Кокетливых подруг задорный смех...

Облюбовав местечко подле нас,
Пришедшая на огонёк Удача
На коврике лежит и греет мех.

Ищу себя

Я износил до дыр жилет святоши,
Перчатки сноба, запонки эстета,
Страдальца робу, циника галоши —
Раздет, разбит, растерян... Море света...

Ищу себя, а нахожу лишь маски,
Клише, проекты, сыгранные роли,
Пустых забот бесформенные связки...
Правдивы только блики сна и боли.

Кто я такой без ярких бутафорий —
Полётов с крыши и ходьбы по краю?
Раздет, разбит, растерян... Света море...
Ищу себя, но для чего — не знаю.

Басня про скунса

Однажды, Скунс решил пойти на танцы —
С тем, чтоб иметь у публики успех
И не прослыть никчёмным оборванцем,
Он вымыл лапы, хвост, начистил мех.

Весь день готовясь к пышной вечеринке,
Нетерпеливо глядя на часы,
Бедняга-Скунс сдувал с себя пылинки
И от волнения теребил усы.

Пробило шесть — не медля ни минуты,
Что было сил, бежать пустился он
На место действия, где его, как будто,
Ждала фортуна и бокалов звон!

Вот перед ним цветочная поляна —
В разгаре праздник, музыка слышна,
Повсюду блеск улыбок полупьяных,
И смех, и брызги терпкого вина!

На дерзкий шаг едва-едва осмелясь,
Скунс к молодой Лисице подошёл:
— Я Ваш покорный раб! Вы просто прелесть!
Позвольте выйти с Вами танцпол!

— Да как ты смеешь, грязная вонючка,
Равнять меня с собой? Каков нахал!
Прочь убирайся, коль не хочешь взбучки,
Пока весь лес тобой не провонял!

— Скандал! Скандал! — все, как один, взревели, —
Кто он такой? Кто звал его сюда?
А скунс, с душою в теле еле-еле,
Пустился прочь, сгорая от стыда.

И никого уже не волновало,
Что резкий запах — это инструмент,
Который в ход идёт не как попало,
Но лишь в особо экстренный момент.

Забыли все в неразберихе жуткой,
Что скунс был добр, не скуп и не угрюм,
Не обижался на дурные шутки,
Имел весёлый нрав и острый ум.

Что ж, не имея у себя в запасе
Роскошных шуб, влиятельных имён,
Наш друг ни с чем вернулся восвояси
Лишь потому, что скунсом был рождён.

Вот вам мораль: и люди, словно звери,
Порой бывают страх как «хороши» —
Друг перед другом закрывают двери,
Не разглядев за шкурою души.

Oriza Helogoba

Павел Каравдин

О науке самиздате

О литературном самиздате Советского Союза написано много. Есть даже толстый (более 1000 страниц) сборник «Самизат века», в котором Анатолий Стреляный пишет: «Советская цензура причастна к одному из чудес XX века: изготовление книг пошло вспять. Чтобы сделать книгу доступной многим, её стали возвращать в рукописное состояние...». Но кроме литературного был и научный самиздат.

Как развивается наука? Например, около 2000 лет учёные считали, что вокруг неподвижного Земного Шара вращаются небесные сферы с небесными светилами. Но появился Галилей и стал доказывать, что это заблуждение. Всё наоборот. Учёное большинство поставило Галилея на колени и заставило отречься от своих «заблуждений».

Идею искусственного спутника Земли дал Ньютон в своей книге «Математические начала натуральной философии». Он же вычислил и первую космическую скорость — 8 км/сек. Но как достичь такой скорости? Анализ, делавшийся многими специалистами, показал, что ни пушка, ни ракета такой скорости достичь не могут. Проблема считалась неразрешимой. Но скромный учитель гимназии Циолковский нашёл решение проблемы.

Это решение было опубликовано, но учёные много лет не интересовались им. Наконец, профессор МГУ В.П. Ветчинкин познакомился с открытием Циолковского и, поняв его, стал выступать с лекциями об этом. Однажды профессор прочитал в Московском университете лекцию на фантастическую, как тогда казалось, тему: «Полет на Луну». Ветчинкин заговорил о Циолковском. В университете о нем, разумеется, уже слышали. Тем не менее, с нескольких мест раздались оскорбительные возгласы: «Эмпирик! Провинциал! Недоучка! Ускорение обозначает буквой *U*. Словами записывает скорость. Прямо потешник, а не учёный!...»

Ветчинкин невозмутимо ждал. Наконец зал притих. Неловко стало, да и любопытно: «Что же профессор скажет?». Ветчинкин написал на доске ряд формул, нарисовал многоступенчатую ракету. Он доказывал, сколь остроумна идея Циолковского о звездоплавании посредством многоступенчатой ракеты. Не скрывая своего предубеждения, аудитория насторожилась. А Ветчинкин, вторя математической логике Циолковского, шаг за шагом приближался к основному выводу его учения.

— Таким образом, уважаемые коллеги, — профессор стукнул мелом и жирно отчеркнул строку, — если мы согласимся с непогрешимостью этого многочлена, то, стало быть, увидим, что для достижения Луны последней ступенью ракеты потребуется хоть и большое, но вполне определённое, выражаясь математически, конечное количество топлива. Публика потеряла равновесие. И не мудрено: с незапамятных времён над умами учёных властвовал «постулат» диаметрально противоположный, а именно: для преодоления земного притяжения потребовалось бы бесконечное количество топлива, и, следовательно, идея звездоплавания сама по себе считалась абсурдной. Нам, свидетелям последних достижений астронавтики, трудно поверить, что ещё недавно, каких-нибудь полсотни лет назад, слова профессора Ветчинкина могли вызвать взрыв негодования среди учёных и части студентов этой цитадели науки (из книги И. Шелеста, «Лечу за мечтой», М., 1973, стр 74-76).

Можно привести ещё множество примеров из истории науки, и все они покажут, что открытия делают одинокие мыслители, иногда из формальных учёных (Галилей), но чаще всего из самоучек. Общим для них является противодействие учёного мира всякой новизне. Новое же всегда открывает кто-то один (очень редко — двое или трое). Чтобы стать учёным, нужно изучить какую-либо отрасль науки и сдать экзамен (защитить диссертацию). На

учёного можно выучиться. Открывателем нужно родиться.

По образу и подобию политической системы строилась и наша научная система. Учёных свели в «полки и дивизии» (институты и академии). И им, как офицерам и генералам, платят за звания. В этой системе всегда прав тот, у кого больше прав. Дискуссии невозможны в принципе. Помнится на XIX партийной конференции один из лидеров науки академик А. Логунов заявил, что для улучшения научной работы приказано всем научным журналам проводить дискуссии. Но дискуссий как не было, так и нет.

Ввиду невозможности обсуждения спорных проблем и в науке возник самиздат. В мае 1965 года вышел первый номер журнала, который назывался журнал научно-физического кружка им. М.В. Ломоносова. В редколлегию входили: Бессараб Н.Ф., Бойко А.Н., Боченков И.А., Замятин А.Г., Калина Б.М., Унгер А.Д., Шурупов А.К. (Ответственный редактор). Адрес редакции: г. Первоуральск, ул. Трубников, 22, кв. 12. Позднее Шурупов переехал в г. Могилёв и адрес редакции изменился.

Журнал открывает статья «Наши задачи», в которой указывалось: «Некоторые наши журналы тенденциозно подбирают публикуемый на их страницах материал. Такая тенденциозность направлена против свободных творческих дискуссий, через которые только и может развиваться наука». Далее следовала «Программа научно-физического кружка», в которой указывалось, что кружок — «добровольное товарищеское объединение учёных, инженеров, преподавателей и других лиц, самостоятельно занимающихся проблемами физики. Он опирается только на творческую инициативу лиц, борющихся за научный прогресс». В первом номере журнала 43 листа формата А4, напечатанных на машинке с 2-х сторон, и картонный переплёт. Журнал выходил по 1973 год. Всего вышло 13 номеров каждого тиражом около 30 экземпляров. В 1973 году редактора журнала Анатолия Константиновича Шурупова пригласили в Могилевский обком партии и предложили «прекратить».

Из первого номера можно узнать, что инициаторами создания кружка были Г.Д. Ломакин, С.Д. Дмитриев и А.Н. Бойко. По переписке обсуждалось несколько предложений названия кружка. Большинство высказалось за название, обозначенное на обложке журнала. В статье С. Дмитриева «О дружеских коллективах» обозначены несколько задач, интересовавших членов кружка.

1. Природа света. Было две гипотезы света — волновая и корпускулярная — противоречащих друг другу. Современные же физики, «чувствуя неудобство иметь две гипотезы, по-разному объясняющие одни и те же явления, не нашли ничего лучшего, как объединить их в одну — корпускулярно-волновую теорию света и пытаются склеить её диалектическим единством. Но здесь нет, и не может быть никакого единства, т.к. речь идёт не о свойствах, а о природе явления. Свет, как и любое другое явление, имеет одну, а не две природы: он или корпускула или волна, или что-либо другое, но не то и другое одновременно. Дуализм не решает проблему света, а только запутывает её».

2. Энергия и законы её превращения. «В этом кардинальном вопросе физики много неясного, запутанного и даже сверхъестественного. Проблема энергии ещё не решена, а только поставлена, но в научной литературе и в учебниках трактуется как окончательно решённая. Среди физиков и философов широко распространено представление, что якобы энергия может превращаться в материю, а материя в энергию».

3. Теория относительности. «По поводу этой теории учёные ведут горячий спор со дня её появления на свет. Одни утверждают, не приводя доказательств, что эта теория является великим достижением современной науки. Другие считают, что эта теория ошибочна»

4. Вопросы микрофизики, «в которой много запутанных и нерешённых проблем, она засорена многими вымыслами и фактически находится в тупике».

Власти долго присматривались к научно-физическому кружку. Казалось бы, люди занимаются чисто научными проблемами, может быть разгадают какие-то тайны природы к пользе всего человечества. Но все-таки запретили. Почему?

На съезде народных депутатов 4 июня 1989 г. выступал академик К.В. Фролов, который похвалился железным порядком, существующим в АН СССР. Он сообщил, что даже академик, чтобы опубликовать хотя бы маленькую статью, должен получить семь разрешающих подписей. А тут доктора и кандидаты наук, и просто инженеры без всякого разрешения обсуждают проблемы, которые не должны их волновать. Лучше запретить во избежание неприятностей.

Учёные-антропологи утверждают, что за последние 50 тысяч лет мозг человека практически не изменился. Но почему же тогда бурное развитие науки происходит только в последние 400-300 лет? Маргарет Тэчер права, заявив: «Именно беспрепятственный поток идей и обмен ими обеспечивали развитие цивилизации на протяжении веков. Лишь там, где идеи высказываются и обсуждаются свободно, выявляется их истинная ценность...» («ЛГ», № 17, 1989 г.).

Прогресс начался с изобретением книгопечатания, которое сделало возможным широкий обмен идеями во времени и пространстве. Всякая новация должна найти своего продолжателя. Так идея Коперника, опубликованная в книге, «блуждала» по Европе десятки лет, пока не встретила Галилея. Позднее в Англии их идеи нашли Ньютона. Мы знаем, какая жестокая борьба шла между новаторами и консерваторами. Но Коперник мог спокойно умереть, а Галилей — отречься от своих «заблуждений», зная, что опубликованные идеи не умрут. Мы знаем, как по-дилетантски с помощью костра и темницы пыталась элита сохранить свои позиции, но оказалась бессильной. То, что не удалось инквизиции, удалось нашей АН. Выросла научная система, не допускающая никакого инакомыслия. Ничего нового, ничего спорного. По существу в нашей стране нет научной печати. Есть институты со своими изданиями, которые контролирует элита. Так как мысли контролировать невозможно, под контроль были взяты все способы обмена мыслями. Но как быть с открытиями? Их, как правило, делают не учёные, а любители-самоучки (монах Мендель, учитель Георг Ом и др.). Таких в печать не пропускать, а пусть учёные делают открытия коллективно. Сказано-сделано.

Из диалектики следует необходимость для развития науки взаимодействия противоположных точек зрения (дискуссий). Мы же, признавая на словах марксистскую диалектику, на деле от неё отrekliсь. Это привело нашу науку к глубокому кризису. В статье «Какой быть науке?», бывший тогда президентом АН СССР, академик Г. Марчук писал: «Широкой общественностью, руководством страны должно быть осознанно: наше положение в науке находится в разительном контрасте не только с развитыми, но и с развивающимися странами» (газета «Поиск», № 12, 1989). В контрасте даже с развивающимися странами! Разве не означает это, что наша наука находится на уровне слаборазвитых стран? И это при количестве учёных, равном четверти учёных всего мира.

Во всем мире приоритет открытия определяется по дате первой публикации. Кто первый известил об открытии, тот и считается открывателем. Ввиду невозможности публикаций об открытиях, в СССР с 1956 года была введена регистрация открытий. За 25 первых лет было зарегистрировано аж 250 (двести пятьдесят), бог весть каких, открытий. Учёных же в лучшие годы насчитывалось полтора миллиона. Вот и судите, занимаются ли учёные открытием новых истин?

Сейчас трудно сказать есть ли открытия в журнале, который редактировал А. Шурупов. Любое открытие должно найти своего Галилея, который первым поймёт и оценит то новое, что нашёл какой-либо его предшественник. В 13 номерах сотни полторы различных статей, которые ещё ждут своих исследователей. Но задачи, поставленные в первом номере, не потеряли своей актуальности. И стоят они в порядке важности. Пока не будет решена проблема света, не будут решены и другие проблемы. Между тем сейчас большинство исследователей борются против частной проблемы, которой является теория

относительности. Во время перестройки, когда появилась возможность публикации за свой счёт, было выпущено несколько книг против теории относительности. Например, профессор Ленинградского политехнического института А. Денисов выпустил книгу «Мифы теории относительности». Его хотели лишить учёных званий и выгнать с работы. Спасло его только избрание народным депутатом. Оказывается, было некогда секретное постановление Президиума А.Н.СССР, запрещавшее критику теории относительности. Но всякая истинная теория нуждается в критике. Критика позволяет ей укрепляться. вспомните хотя бы теорию Коперника. Книга Коперника попала даже в число запрещённых. Запрет критики какой-либо теории служит косвенным доказательством её ложности.

А. Шурупов заведовал кафедрой в каком-то Могилевском институте и был лишён этой кафедры после запрета его журнала. Один из инициаторов научного самиздата Г. Ломакин заведовал кафедрой физики в Челябинском институте механизации и электрификации сельского хозяйства. За свою антирелятивистскую деятельность он был досрочно отправлен на пенсию. В науке проблемы не должны решаться большинством голосов, но пока продолжают решаться.

О судьбе других участников этого необычного кружка мне неизвестно, но может быть после этой публикации придут отклики, из которых мы узнаем ещё много интересного.

Orsa Hebagoba

Максим Мазаев

Текст

«Так и меж нас невозможна любовь,
никаких договоров
Быть между нами не может;
Поколе один, распростёртый,
Кровью своей не насытит свирепого
бога Арея.»
Гомер. «Илиада».

Несётся
Крик
Над древними стенами Трои.
Не плачь,
Старик,
Твой сын умирает героем.

Святых
Богов
Не жди понапрасну, не надо,
Твой сын
Готов
И он не попросит пощады.

Пустых
Речей
Прошло безмятежное время,
Лишь звон
Мечей
Взрастит межусобное семя.

Лишь стук
Копыт —
Летят колесницы пред градом,
Да ждёт
Аид
Кровавую жатву в награду.

Широкий
Брег
Завален телами героев,
И плачет
Феб
Над горькою участью Трои.

Весы
Небес
Отмерили муки народа,

Сам
Ахиллес
Копьём потрясает у входа.

Он сын
Богов,
Доспехом сверкает Паллада,
Полки
Бойцов
Сражая неистовством взгляда.

В его
Руках
Умоюсь своею я кровью,
Прости,
Жена —
Сегодня ты станешь вдовою.

Я
Не смогу
За стенами Трои укрыться,
На смех
Врагу.
Нет, лучше уж честно сразиться!

В моих
Глазах
Испугу сверкать не пристало.
В моих
Руках
Не менее острое жало.

И пусть
Не мне
Богам начертана слава,
В святой
Войне
Погибнуть имею я право.

Лишь стук
Сердец
Над древними стенами Трои.
Прощай,
Отец,
Твой сын умирает героем.

Мир, который ждёт тебя

Соткан из промозглого дождя,
Вышит оцветающей грозой,
Этот мир замкнулся без тебя
В комнатке, наедине с собою.

Шаткий стульчик, круглое окно,
Солнце под зелёным абажуром,
Мир глотает тёплое ситро,
Пахнущее сладким конфитюром.

На стене кукушка и часы,
На полу плетёная дорожка,
Закрывают лапками носы
Рыжий кот и плюшевая кошка.

Тихо. До последнего гвоздя
Дремлет дом, успевший отогреться.
Хорошо, когда так ждёт тебя
Целый мир в одном влюблённом сердце.

Из мозга. Оступившееся солнце

Солнце акробатом — равновесие в ладонях,
По канату между пелерины облаков
Бродит осторожно, окропляя жёлтой кровью
Серые руины обнажённых городов.
Рваными дорогами изрезанные вены,
Таинство сомнений напоказ под купола,
Сверху лучше видно, что за войлочные стены
Вшита беспощадная кирпичная стена.
В лужах на асфальте расплескавшееся время,
Жаль, не видит автор утекающих часов,
В небе воронёное мятущееся племя
Ангелов пугает хрипом мёртвых голосов.
Солнце задохнётся в человеческой отраве,
И шагнёт с каната в неизбежность пустоты,
И своей приевшейся до омерзенья славе
Предпочтёт падение с огромной высоты.
И в его огне вся наша вечность захлебнётся,
Ну а кто-то просто загадает свой вопрос,
Потому что наше оступившееся солнце —
Только лишь одна из вечно падающих звёзд.

Хатико

Мужчинам не свойственно плакать,
Но хочется иногда
Стать добродушным Хатико
И встречать поезда.
Морду склонить на лапы
И каждый вечер, в пять,
Трогательно-упрямо
Ждать.
Лязгать замёрзшей пастью
И разгоняя кровь...
Сердце большого счастья —
Маленькая любовь.

Генералы Большой медведицы

Серебристым сиянием светится
Полуночный заснувший мир,
Генералы Большой Медведицы
Надевают парадный мундир.
Засверкает узором северным
Их расшитый в ночи погон,
Талисманом служба проверенным
Магелланам любых времён.
Своим царственным недвижением,
Верным спутником корабля,
Христофорам любого времени
Указующий свет дая.
И до красного солнца раннего,
Генеральский сияет свет,
Путь укажет любому страннику
Серебром своих эполет.
Суждено ли с тобой нам встретиться?
Суждено ли нам быть вдвоём?
Генералы Большой Медведицы
Не ответят своим огнём...

Ольга [prime-time]

Прабабушка

Наверное, из детства нужно помнить что-нибудь хорошее, но у меня в памяти либо ничего, либо заплаканные глаза и губы, искусанные в кровь. Знаю, что плохо говорить «плохо»; но порой хорошего бывает так мало, что смешиваясь с тем количеством дерьма, которое выпадает на душу населения, оно становится таким незаметным, что мы забываем людей, подаривших нам самые яркие картины воспоминаний.

Давно-давно, когда мне было одиннадцать, умер человек, в честь которого меня когда-то называли. Это была моя прабабушка.

11 лет и всего пара снимков в детском альбоме, где она держит меня, ещё грудную, на руках. Пятеро детей, девять внуков, четыре правнука и одинокая смерть в 87. Может быть, слишком длинная жизнь, и тебя успели забыть ещё при ней? Может быть...

Я помню, как 9 лет назад сняла телефонную трубку, помню в точности все услышанные тогда слова и свою реакцию, за которую до сих пор стыдно. Мне было всего одиннадцать. Всего или уже? Но на сообщение о похоронах я ответила, что не смогу прийти, так как в среду у меня будут важные уроки. Вот он, Фрейд, присущий человеку эгоизм, который ты так давно описал, и который так рано проявился в этой маленькой девочке! Хотя, может, не только в ней, но и в каждом, кто за последние три-четыре года приезжал к этой старушке, дай Бог, раз месяц, привозил пару мягких творожков да «Биокефирчик» и рассказывал истории о том, как ярко светит солнце, которое она уже не видела 6 лет. Стыдно!

Когда я была маленькая-маленькая, мы строили с ней высокие пирамидки из детских кубиков, а потом я разбегалась и кидала в них какую-нибудь игрушку. Пирамидки рушились, как, наверное, рушатся сейчас многие наши мечты, а мы с бабушкой лишь смеялись и возводили новые!

Она никогда не рассказывала страшных историй о войне и том, как ждала прадедушку из немецкого плена; только лишь пела знаменитую «Катюшу», слова которой выступают теперь слезами на моем лице.

Очень любила «катать» меня на коленях; пугать «козой рогатою», и попадаться на обман, когда правильно угадывала, в какой руке у меня спрятана конфета.

Я была её первой правнучкой, и она вкладывала в меня всю себя, ту молодую, не одинокую, счастливую. Говорила, что всегда будет рядом, даже когда умрёт; что будет смотреть на меня с неба, и кидать шоколадки, если я буду грустить.

Бабушка Лёля...

В памяти каждого, кто был на похоронах, конечно, она была разной; и каждый по-разному и в разное время понял, что потерял её. Мне было одиннадцать. Всего или уже? Но я не проронила ни слезинки до тех пор, пока не кинула горсть земли на её могилу. Лишь тогда я поняла, что её больше нет, что я так много времени провела не с ней, что так за многое и не сказала «спасибо».

Какой смысл писать эти строчки сейчас, ведь она уже никогда не узнает, как была нужна тем, кто чрезмерно любил только себя? Какой? Может быть, надежда? Надежда на то, что она все-таки «смотрит на меня с неба» и видит, какой смогла воспитать свою Оленьку, и как отчаянно я борюсь за то, чтобы оставаться такой!

И я никогда не вспомню...

А он сказал мне, что устал от этих серых глаз и что я не умею писать ничего тёплого. Сказал, что ему надоели красивые слова в тетрадных листах, разбросанных по всей квартире, отсутствие моей улыбки и едкий запах сигаретного дыма от пальцев. Сказал, что мне нужно перестать прогуливать институт, научиться решать задачи по физике и наконец-то выучить английский. Сказал, что я не умею варить кофе, пить крепкий алкоголь, ухаживать за цветами, которые он дарит, звонить, когда опаздываю, и общаться с его друзьями. Сказал, что я ложусь каждую ночь утром, слишком много командую и слишком часто хожу на каблуках. Сказал, что боится, когда меня поздно не бывает дома, когда я, чтобы он не услышал моей боли, плачу в ванной, когда мечтаю, а мечты так и остаются в руках. Сказал, чтобы я перестала составлять эти бесконечные списки некупленных продуктов, заброшенных книг, потерянных друзей, несбывшихся желаний, а просто жила и действовала спонтанно, радуясь каждой секунде. Сказал, что ему стыдно за последнюю нашу ссору, за глупые шутки, за небрежность в одежде, за запах дешёвого одеколона и ежедневную щетину. А ещё, он сказал, что мы обязательно встретимся, и я никогда не вспомню всего сказанного в сегодняшнем сне! И что произойдёт это в мае, чтобы спустя жизнь мы вместе могли сказать внукам, что "маялись".

Oriza Helagoba

Татьяна Барышникова

***

Большая

Нацелены крылья в небо, восторженно мир затих,
внутри запылал огонь, он ждал этот миг веками.
Смотри, как из вен моих сочится на землю стих,
и тает в груди закат, пропитанный облаками.

Быть человеком

Я стала сильнее, признав свою слабость,
Стерев пыль с жестоких, но честных зеркал.
Мой парус в огне, сердце льду отзывалось,
А крылья покрыл тонким слоем металл.

Нет, я не пыталась убить в себе жалость.
Я сразу умела смотреть сверху вниз.
Как страшно, что мне все нелепым казалось,
Когда под ногами был узкий карниз.

Так долго искала в толпе человека...
Но звезды прекрасны. Кричи, не кричи.
Поняв безысходность, не ищешь ответа.
В бездействии гибель души... Не молчи!

Пылая, искрясь, я сгорю без остатка...
Наивно и глупо, ведь в сумраке дней
Быть светлым — красиво, быть темным —
понятно.
А быть человеком намного трудней.

Мыслю образами, дышу нотами,
Да танцую по краю безвременья.
Называю квартиры все гротами.
Я пастушка без рода и племени.

Лишь один отец... Да и тем делюсь.
Но не с братом, а со вселенною.
До потери грёз из Невы напьюсь
Горькой правдою вожденною.

Слаб мой сердца стук, да рука вольна.
Все в кладовках дней затеряется.
Люди скажут — Эй, да она больна!
С солнцем, глупая, обнимается!

***

Осень падает с неба холодной водой,
Умывает дороги, течёт по асфальту.
Мир остыл, опостылел, и каждый второй
Балансирует между сопрано и альтом.

В никотиновой дымке кружится листва,
Город в сумраке тонет, отчаянно, вязко.
Мы стремимся все в руки того божества,
Что сулит нам любовь, и спасенье, и сказку.

Каждый хочет себе упоительных дней,
Вдоволь счастья, здоровья, дворец и корону.
А приходится жить в тусклом свете огней,
И бороться за смех, и держать оборону.

Глубина

Ушли святые в морскую пену,
Искать русалок и Афродиту,
Чтоб не отдаться простому тлену,
Чтобы подольше «не позабыты».

Несли в ладонях осколки веры,
Ступали тихо, молчали громко...
И становились святые серы,
И проливалась слеза ребёнка.

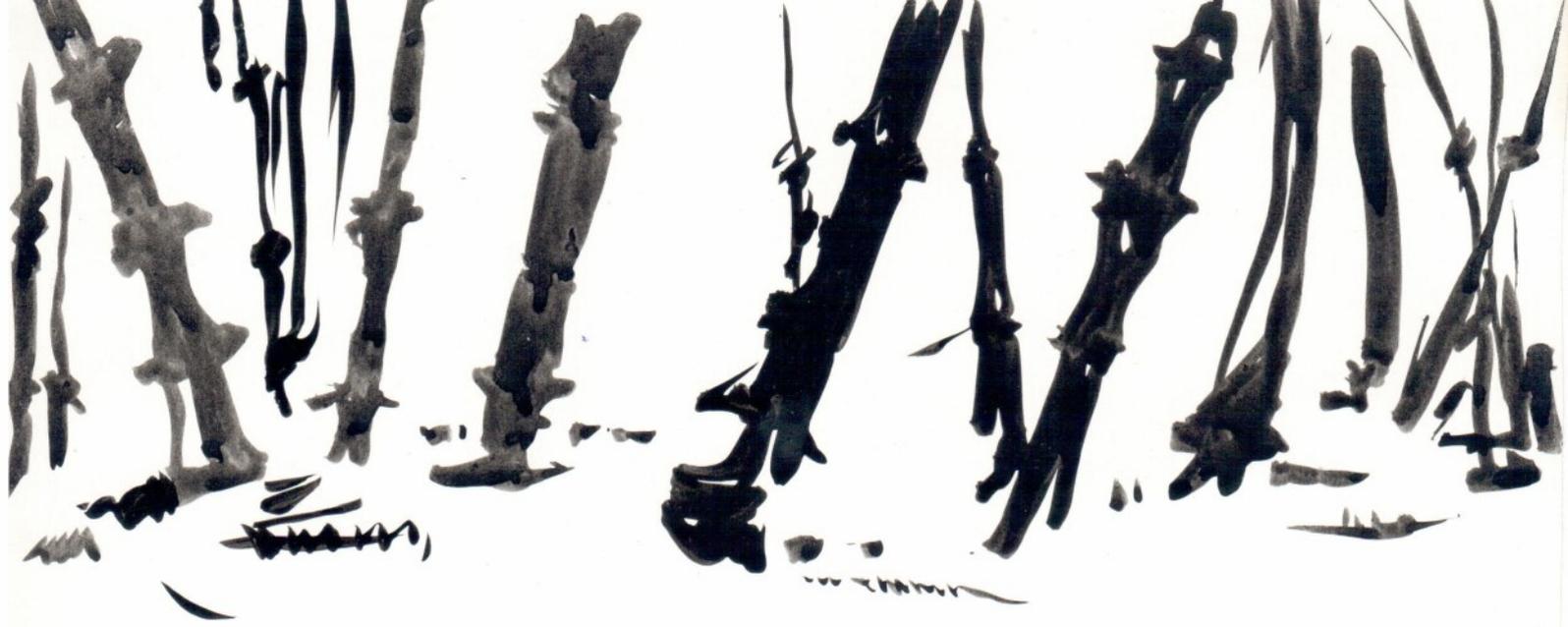
С вершины Фудзи, раздвинув ставни,
Я улыбался, смотрел им в спину.
Кидал, безгрешный в безгрешных камни,
Шептал: «л-ю-б-и-м-а-я, не покину»...

Выстрел

Я знаю ночь. Оставьте ваши споры.
В них истинной рождается лишь ложь.
И все высокомерные укоры
Бессмысленны...
Мне братом станет нож.
А я ему родной, звенящей нотой,
Холодным совершенством серебра.
И я смогу заполнить все пустоты
Направленной мелодией добра.
И вновь моя неведомая муза
С бессонницей напьются до стихов.
И в дыме внекалиберного блюза
Я словом разожгу огонь эпох.

Oriza Heboqoba

Фразеологизмы

Довольно часто встречающаяся ошибка в работах молодых авторов — перестановка или замена слов в фразеологизмах, изменение грамматического значения одного из слов или неверное употребление, ошибочное понимание значения фразеологизма. Именно поэтому было принято решение написать подробную статью по фразеологии.

Фразеологизм, или фразеологическая единица — устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание или предложение, выполняющее функцию отдельной лексемы (словарной единицы).

Как следует из определения, фразеологизм неделим и неизменяем. Он имеет своё лексическое значение и может быть синонимичен одному отдельно взятому слову.

Вообще, фразеологизм во многом ведёт себя так же, как слово. В частности, фразеологизм может быть многозначен. Например, устойчивое выражение «поставить на ноги» имеет следующие значения:

1. вылечить, избавить от болезни;
2. вырастить, воспитать, довести до самостоятельности;
3. заставит активно действовать, принимать деятельное участие в чём-либо;
4. укрепить экономически, материально.

Фразеологизмы могут быть синонимичны друг другу («со всех ног» — то же, что и «сломя голову»), антонимичны («не покладая рук» противоположно по значению «спустя рукава»). В предложении фразеологизм выступает в качестве одного определённого члена предложения.

Основное отличие фразеологизма от слова — его метафоричность. В отличие от слова, роль фразеологизма не только и не столько в назывании понятия или действия, но и в придании высказыванию эмоциональной окраски.

Существует множество различных классификаций фразеологизмов по разным признакам. Ниже приведём самые распространённые.

Фразеологизмы делятся на фразеологизмы-предложения и фразеологизмы-словосочетания.

Фразеологизмы-предложения — организованы по модели того или иного предложения, могут употребляться самостоятельно или в составе других предложений. Пример: сматывать удочки.

Фразеологизмы-словосочетания — конструктивно ничем не отличаются от обычных словосочетаний.

С точки зрения схожести с частями речи, фразеологизмы делятся следующим образом:

- 1) глагольные (выполняющие функции глагола): сматывать удочки;
- 2) субстантивные (выполняющие функции существительного): медвежья услуга;
- 3) наречные (выполняющие функции наречия): до мозга костей;
- 4) адъективные (выполняющий функции прилагательного): себе на уме;
- 5) междометные (выполняющий функции междометия): давно бы так!
- 6) союзные (выполняющие функции союзов): не смотря ни на что.

Классификация по степени слитности (зависимости общего значения выражения от суммы значений входящих в него слов).

- Фразеологические сращения (идиомы) — значение выражения никак не соотносится со значением отдельных слов. Такое сращение обусловлено, во-первых, наличием устаревших слов, значение которых понятно не всем (бить баклуши), во-вторых, наличием грамматических архаизмов (спустя рукава), в-третьих, отсутствие живой связи между компонентами фразеологического сращения (хоть куда).
- Фразеологическое единство — значение выражение мотивированно значением его составляющих. А неделимость фразеологизма возникает в результате слияния значения составляющих его слов в одно обобщено-переносное значение (первый блин комом). Подобные сочетания допускают некоторое отклонение от первоначальной формы,

Казнить нельзя помиловать или как мы живем

введение других слов (положить (свои) зубы на полку).

- Фразеологическое сочетание — оборот, в котором есть слова, как со свободным, так и с фразеологически связанным значением. Так, во фразеологическом сочетании закадычный друг слово «друг» имеет свободное значение, а «закадычный» — фразеологически связанное.

С точки зрения происхождения фразеологизмы бывают:

- Исконно русскими.
- Заимствованные — это иноязычные устоявшиеся выражения, используемые в нашем языке без перевода (post scriptum).
- Фразеологизмы-кальки — устойчивые выражения, образованные путём пословного перевода с других языков (синий чулок – blue stocking англ).
- Фразеологизмы-полукальки — часть слов переводится на русский язык, часть заимствуется без перевода.

Изучая и сопоставляя фразеологизмы разных народов с одинаковым значением, можно увидеть специфические черты мышления и развития народов-носителей языка. В устоявшихся выражениях находят своё отражения ценности и мировоззрения того или иного народа.

Фразеология — довольно сложный для изучения материал. При заучивании фразеологизма нужно запомнить его словарный состав, значение, а так же нужно представлять, в каких ситуациях можно применять тот или иной фразеологизм, понимать эмоциональную составляющую, оттенки смысла.

И напоследок несколько примеров, ошибочно употреблённых устоявшихся выражений.

«и у него отлегло на душе...» — правильно говорить отлегло от души (от сердца);

«стерев врага дотла» — здесь смешаны два выражения: «стереть в порошок» и «сгореть дотла»;

«и она обнажила свои белоснежные, голливудские зубы» — а это один из новейших фразеологизмов: «голливудская улыбка»;

«В жизни и без смерти проблем хоть отбирай» — верным будет выражение «хоть отбавляй»;

«одолело меня на повал» - можно либо просто «одолеть», либо «бить на повал»;

«Собравшись со смелостью» — опять сплавлено два выражения: «собравшись с духом» и «набравшись смелости»;

«скрипя сердцем» — на основании схожего звучания в словосочетание «скрепя сердце», то есть «сделав его крепче», многие привносят некий скрип. Видимо ещё и по аналогии с фразой «скрипя зубами».

Подробнее о фразеологизмах можно прочитать здесь: <http://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=146d7737-da28-467c-a2d6-1ed25fe93b19>

Евгения Литвиненко

Артмыр Кробоан "Астропилот"

Катерина Лаврова

Фантазии

1: Город.

«В Город я приехала всего пару дней назад, но он успел меня поразить с самого вокзала. Здание этого привратника было не просто старым — древним. Как и многие строения Города, он был выполнен в готическом стиле и напоминал больше храм, чем пристань поездов.

На вокзале было тихо и практически безлюдно, лишь у расписания пригородных электричек стоял молодой человек с большим рюкзаком, пристально изучающий стенд, да за окошком кассы улыбалась миловидная блондинка.

Оглядев это чудо архитектуры, я вышла на привокзальную площадь. Как водится в небольших городах, вокзал был отдалён от основных жилых массивов, и мне требовалось найти транспорт. К моему удивлению, у спуска лестницы дежурило не обычное такси, а винтажный автомобиль, словно сошедший со страниц журнала об исторических машинах. Это был обтекаемый, словно бы полностью состоящий из плавных округлостей «Бьюик» жемчужно-серебряного цвета. За рулём сидел не менее винтажный шофёр — все в его образе, вплоть до кожаной кепки, казалось сошедшим с экрана кинотеатра, где показывали фильм шестидесятых годов. Он вышел из машины, услужливо помог мне с багажом, открыл передо мной дверцу, не переставая улыбаться. Удивлённая, я села на заднее сиденье.

— Куда изволите доставить, фрау? — спросил он с лёгким, едва заметным немецким акцентом.

Добравшись до центра, я поблагодарила шофёра и хотела уже заплатить, но тот отказался, объяснив, что таким образом я нанесу ему обиду, и уехал. Проводив автомобиль взглядом, я отправилась к видневшемуся недалеко газетному киоску. Приобрела тонкую газету с объявлениями и, подумав, пачку сигарет.

Присев на уютную кованую скамью, я принялась за поиски жилья. Удивительно, но первый же вариант меня полностью устроил, — квартира в новострое, недалеко от центра, да за такие смешные деньги, что я удивилась, почему же в Город, с его мизерными ценами на аренду, все ещё не хлынул поток переселенцев.

Адрес я нашла не скоро, заплутав по пути в старом центре, я два часа бродила по узким улочкам, уставленным глинобитными хатами с выбеленными стенами, небольшими теремами и каменными домиками, пока не набрела на блочную пятиэтажку, предваряющую собой более новый район. В её единственном подъезде, на верхнем этаже, и была моя новая квартира.

Хозяйка, полноватая, миловидная женщина лет сорока, радушно приняла меня, напоив чаем, провела подробную экскурсию по квартире, не удержавшись, похвастала изумительным видом на живописные кварталы старого центра, застроенные, сплошь и рядом, историческими памятниками. Смущаясь, я спросила, где мне можно будет курить, на что хозяйка, лучезарно улыбаясь, ответила, что она сама временами курит, так что её нисколько не смутит запах табачного дыма в квартире, и достала с полки серванта пепельницу в виде морской раковины. Мы ещё немного пообщались, но, ближе к вечеру, она охнула, глядя на часы, и мы, подписав договор и, рассчитавшись, попрощались.

2: Письмо для пани.

Оставшись одна, я закурила, задумавшись. Наверное, следовало бы разложить вещи и подумать, где найти работу, а, вернее, поискать таковую во все той же газете объявлений, но на меня от чего-то напала такая огромная лень, что даже самый большой строительный бульдозер не смог бы сдвинуть меня, придавленную этой тушей к креслу. Правда, это удалось сделать дверному звонку.

Думая, что это вернулась забывшая что-нибудь хозяйка, ведь больше некому меня тут

навещать, я открыла двери. В подъезде стоял невысокий юноша лет шестнадцати, одетый в костюм в стиле милитари: брюки цвета хаки, заправленные в высокие ботинки с кучей застёжек, чёрная футболка, пояс с подсумками, забитыми тысячей мелочей... этот полувоенный вид портили его длинные, прямые волосы, цвета спелого каштана. Оглядев меня, он поинтересовался звонким голосом:

— Пани Гданьска?

— Да, — кивнула я удивлённо.

— Вам письмо из Канцелярии. Получите, распишитесь.

Парень протянул мне тонкий конверт из жёлтой почтовой бумаги, подписанный вручную, чернильной ручкой, и закрытый печатью из сургуча. Взяв конверт, я внимательно изучила надпись, но там действительно было: «Пани Марыльке Гданьске, лично в руки. Канцелярия, Шестой отдел, доставлено курьером». Курьер, глядя на меня, улыбался. Я поставила размашистую подпись у него в планшетке, и юноша, прищёлкнув каблуками, скрылся в лифте. Постояв на пороге с минуту, я вернулась в прихожую и, заперев дверь, ушла на кухню.

Прежде, чем вскрыть конверт, я сварила кофе и перенесла пепельницу из зала, поставив её на стол. Правда, курить передумала — напонила себе, что решила бросить. Отхлебнув кофе, я надрезала плотную бумагу ножом и вынула письмо. Оно было написано тем же каллиграфическим почерком, было видно, что после написания чернила были присыпаны речным песком, пара песчинок задержалась в завитушках букв.

«Здравствуйте, пани Гданьска! Мы рады приветствовать Вас в нашем городе, и желаем Вам как можно скорее влиться в ряды преданных его жителей!

С превеликим уважением сообщаем, что завтра, в два часа пополудни, ждём Вас на регистрацию в 118 кабинете Здания Канцелярии. Заранее приносим свои извинения за причинённые Вам неудобства и желаем всего наилучшего.

Канцелярия Города, Шестой отдел.»

«Строго у них тут», — подумала я, допивая кофе. С сожалением покосившись на маленькую чашечку, я почувствовала, как заурчал живот. Кажется, где-то неподалёку была небольшая продуктовая лавка...

3: Знакомство с Городом.

С утра я долго размышляла, как одеться на приём в Канцелярию, но, припомнив внешний вид их курьера, я натянула джинсовую юбку и рубашку в тон, глянула в зеркало, размышляя, стоит ли краситься. Из глубины стекла на меня смотрела рядовая физиономия польской девушки: широкоскулая, чуть бледная, с небольшим носом и крупноватым ртом, обрамлённая тонкими, светлыми волосами. Глаза серо-зелёные, крупные, хоть на том спасибо матушке с батюшкой. Вздохнув, я потянулась за косметичкой.

Когда я привела себя в божеский вид, большие часы в комнате пробили полдень. Вздохнув, я засунула в сумку документы, размышляя о том, хватит ли мне двух часов, чтобы отыскать здание Канцелярии, а потом, уже в самом здании, отыскать нужный кабинет. За этими, не особо радостными мыслями, я и не заметила, как оказалась на улице, где и замерла, удивлённо сжимая в руке ключи.

У подъезда стоял вчерашний автомобиль, что подвозил меня от вокзала, правда водитель был другой, возле «Бьюика», привалившись спиной к жемчужному борту, стоял смуглый парень с вьющимися волосами до плеч, одетый по-цыгански. В его руках была газета, и черные глаза бегали по строчкам, явно не замечая меня.

— Здравствуйте... — выдавила я. «Цыган» оторвался от газеты, белозубо улыбнулся и воскликнул:

— А! Мадмуазель Гданьска! Я рад, что вы решили выйти пораньше! Мне велено показать вам Город и доставить в Канцелярию! Меня зовут Польш, и сегодня я ваш гид!

Зарёкшись на будущее ничему не удивляться, я прошла к открытой дверце и села на переднее сиденье, устроив сумку на коленях.

— Скажите, Польш, — спросила я, когда «Бьюик», рокоча мотором, покинул двор и вышел на широкую улицу. — А в Городе так радушно встречают всех гостей?

— Ну что вы, мадмуазель...

— Просто Марылька.

— Что вы, Мари, — он говорил с отчётливым, грассирующим выговором француза. — Во-первых, в Городе не так часто бывают гости, во-вторых, так Канцелярия встречает лишь особых гостей. — Не отрывая взгляда от дороги, Поль улыбнулся. Мне показалось, что эти разнообразные и искренние улыбки — визитная карточка Города.

— Почему же здесь не много гостей? На мой взгляд, у вас совершенно очаровательный город... — задумчиво проговорила я.

— Понимаете ли, Мари, далеко не всем гостям Город рад, — его улыбка стала чуть грустной. — Многие просто не находят его, а кто-то, пробыв едва ли час, сразу же уезжает... Впрочем, это не лучшая тема для первого знакомства с Городом, Мари. Взгляните направо, мы выехали на главную площадь, площадь Фантазии. Здание, которое вы видите за группой фонтанов, и есть Канцелярия, но сперва нам нужно посетить ещё несколько мест, раз уж позволяет время.

Слушая его речь, я разглядывала величественное, шестизэтажное здание из чёрного камня, увенчанное четырьмя башенками. Окна Канцелярии были высокими, стрельчатыми и узкими. Отсюда, из машины, мне показалось, что в окнах не обычное стекло, а витражи.

— А вот, Мари, Храм Пресвятой Девы, — Поль быстро перекрестился, и я перенесла своё внимание на зеленовато-чёрный костёл, взнёсший свои воздушные стены к небу, невольно повторив движение шофёра. Он, заметив это, одобряюще улыбнулся.

Ещё час мы кружили по Городу, осматривая шедевры архитектуры, пока, наконец, не притормозили у викторианского особняка, у входа в который стоял швейцар в красной ливрее. Поль вышел из автомобиля, подав ключ подбежавшему юноше в форме, открыл мне дверь и произнёс:

— А теперь я предлагаю вам отобедать, Мари. — Заметив моё беспокойство, он продолжил, — Обед уже оплачен Канцелярией, не волнуйтесь.

Когда мы подошли к дверям, швейцар открыл их, склонившись в поклоне.

— Прошу, мэм, прошу, сэр. — Произнёс он вальяжным, полным гордости за свою работу голосом профессионала.

Внутри, как я и ожидала, оказался роскошный ресторан, на фоне которого я была нелепой пришлицей из другого мира. Поль же вообще казался скрипачом из приглашённого цыганского ансамбля. Но, не смотря на это, нас обслужили по высшему разряду. Официант, проводив нас за отдалённый столик, подал мне меню. Прежде, чем углубиться в чтение, я окинула взглядом зал.

Из пятнадцати округлых столиков шесть были заняты. В основном, здесь были люди, идеально вписывающиеся в удивительно изящный интерьер ресторана — элегантные дамы и представительные джентльмены, но за крайним, ближним к нам столиком, сидел классический байкер — мужчина лет тридцати пяти с седеющими усами и бакенбардами, потягивающий пиво из большой кружки. Хмыкнув, я начала изучать меню.

Наш заказ принесли на удивление быстро, нежная, белая форель под соусом была горячей, белое вино — прохладным, а над заказанными Полем круасанами и кофе вился ароматный парок. Расправляясь с обедом, я краем глаза следила за байкером, но тот, допив своё пиво, покинул зал. Поль же, заметив мой интерес к странному посетителю, сообщил:

— Это Джеймс Каствл, он часто тут бывает.

Когда, наконец, последний кусочек изумительно вкусной рыбы отправился на законное место, а бокал с вином опустел, я попросила у Поля один круассан, который он, со смехом, протянул мне, и мы покинули гостеприимный зал. У входа нас уже ждал «Бьюик», а швейцар произнёс: — Спасибо, мэм, спасибо, сэр, что посетили наше заведение. Надеемся, что вам понравилось, и ждём в гости снова.

— Спасибо большое. — Не удержалась я. — Это самый великолепный ресторан, который я когда-либо видела.

Щёки швейцара слегка порозовели от гордости, и он ответил:

— Мы рады, мэм, будем счастливы, видеть вас снова.

Вновь зарокотал мотор винтажного авто, и Поль, выкрутив руль, произнёс:

— Ну, Мари, нам пора в Канцелярию, надеюсь, вы готовы.

4: Канцелярия, Шестой отдел.

Водитель проводил меня до самого кабинета и, попрощавшись, поцеловал мне руку. Ещё раз велел себе ничему не удивляться, я постучала в дверь, сделанную из тёмного дерева. Дверь тут же

открылась, являя моему взору просторный кабинет с двумя высокими окнами, это действительно оказался цветной витраж. У стены стоял тяжёлый, дубовый стол, покрытый затейливой резьбой, на столе сидела, закинув ногу на ногу, девушка азиатской внешности, примерно моих лет, в длинном, красном, шёлковом платье с разрезами от бедра. Незнакомка просматривала какие-то документы, задумчиво качая ногой в алой туфельке на высоком каблучке. Заметив меня, она встала и улыбнулась, отложив бумаги, я же, забыв о недавнем решении не удивляться, замерла на месте, не в силах поздороваться, ведь на голове девушки, среди коротких черных кудрей, красовались большие, кошачьи уши. Когда прошёл первый ступор, я заметила и длинный хвост, обившийся вокруг ног хозяйки кабинета. Она, видимо ожидавшая такую реакцию, повторила свою улыбку, и представилась:

— Харухи Аримото, исполняющая обязанности главы Шестого отдела. — Добро пожаловать, Гданьска-сан.

— З... Здравствуйте. — Сказала, наконец, я.

— Проходите. — Харухи указала жестом маленькой кисти на кресло, стоявшее с гостевой стороны стола, сама вновь устроилась на столешнице. — Садитесь, Гданьска-сан. Я рада, что вы смогли прийти ко мне, и надеюсь, что наше сотрудничество будет продуктивным.

— Ка... какое сотрудничество? — Оказалось, я ещё не совсем отошла от шока.

— Понимаете ли, Город потерял главу Шестого отдела Канцелярии, а это очень важная должность, без исполнения обязанностей которой Город долго не протянет. А потому, он призвал вас.

— Кто?!

— Город. — Тон у девушки-кошки спокойный, словно бы она говорит самые обыкновенные вещи. — Марико-сан, вспомните, пожалуйста, как вам пришлось в голову покинуть родину?

Я задумалась, погружаясь в воспоминания, и вдруг поняла, что не помню, в честь чего решила уехать. Просто однажды утром я собрала сумку, пришла на вокзал и попросила билет до Города...

Увидев мою озадаченность, Харухи продолжила:

— И ещё, скажите, не удивляет ли вас, что Город так и называется — Город?

Меня пробил холодный пот. Подняв взгляд на Харухи, я потрясённо молчала.

— Понимаете ли, Марико-сан, Город — это квинтэссенция человеческих фантазий. Таких городов множество, существуют они не отдельно от вашего, Нижнего Мира, но и не в нем, а как бы на границе Нижнего и Верхнего миров. Такое пограничье даёт множество возможностей фантазиям проникать в ваш мир и обратно, привнося в человеческую жизнь элементы Верхнего мира. Но сами по себе фантазии — материя эфемерная, не материальная, понимаете?

Я кивнула головой, уставившись в её золотистые, миндалевидные глаза с вертикальными зрачками.

— Вот и хорошо. У Городов сложная, выверенная информационно-энергетическая система, управляемая канцелярией, и, если эту систему повредить, Город медленно разрушается, превращаясь сначала в мало связанные друг с другом кусочки мозаики, потом в смутные воспоминания, потом в тень воспоминаний и исчезает так, как это происходит с детскими фантазиями в мозгу человека.

Каждый Город очень важен для обоих миров, а потому мы не можем позволить себе потерять хоть один из них. Город, в котором мы находимся, потерял ключевое звено цепи, которая удерживает его на границе миров, — главу Шестого отдела. Я, исполняя его обязанности, ещё удерживаю Город тут, но это чужая территория, и вряд ли я смогу продержаться её долго. Поэтому Город позвал вас.

— Для чего?.. — В горле у меня пересохло. Казалось бы, если бы вместо Харухи тут сидел эдакий благообразный чиновник, я бы не поверила ни единому слову, но кошачий взгляд этой девушки рассеивал все сомнения в её словах.

— Для того, что бы вы спасли его, Марико-сан.

5: Зимний вечер и долгие мысли.

Этим вечером неожиданно пришла зима. Весь двор, что был виден из моего окна, был засыпан белым, пушистым снегом, искрящимся в свете фонарей. Город все быстрее и хаотичней менялся, из уголка старой Европы превращаясь в странное, лоскутное одеяло. За стеклом, сменяя друг друга, появлялись то небоскребы Нового Токио, то хаты захолустной закарпатской деревеньки. Я уже

который час сидела на подоконнике, курила одну сигарету за другой, наблюдая за метаморфозами города.

Харухи дала мне вечер на размышление. Этим утром я либо покину Город, либо приеду в Канцелярию... В стекло ударилась заблудшая птица, я вздрогнула, роняя пепел на фланелевые штаны пижамы, нервно рассмеялась. На мой смех из комнаты вышел Поль, облачённый в длинный, чёрный халат из струящейся ткани. Халат был распахнут на груди, открывая нескромному взгляду ровную, загорелую кожу. Он грустно, немного виновато улыбаясь, подошёл ближе, обнял меня за плечи. Я уткнулась в его пахнущие летними травами волосы, наслаждаясь его присутствием.

Все получилось, словно бы само собой. Когда он отвозил меня домой, я подумала, что там, в моей прошлой жизни, в мельтешении рабочих будней и серых, безликих выходных, вечных командировках, у меня никогда не было, не было бы, просто не могло быть такого мужчины. Меня окружали серые, одинаковые люди, такие же безликие, как и мир, в котором они жили... и в этот миг, он притормозил у обочины и поцеловал меня, нежно, практически едва касаясь губами...

Теперь, сидя на подоконнике, я поняла, что никуда я не уеду из этого странного города под названием Город. Впрочем, вскоре у него будет другое название. Я улыбнулась, глядя его по волосам. Поль тоже изменится, ведь он — фантазия... Я закрыла глаза, рисуя себе будущее Города, прижалась лбом к плечу Поля и задремала...

6: Сон в зимнюю ночь.

Я шла по заметённым лёгким снежным флёром улочкам средневекового городка. К небесам стремились лёгкие башенки, толпились под ним каменные дома, улицы были практически пусты, их пересекали редкие цепочки чьих-то следов. Мне навстречу шёл человек с длинной лестницей. Он, останавливаясь у каждого фонаря, прислонял к его железной ноге лестницу и, взобравшись наверх, длинной спичкой зажигал в голове фонаря огонь.

Все светлее и светлее становилось на улице, все ярче искрился снег, отражались блики окон в длинных сосульках, повисших на карнизах. Я шла, разглядывая городок, не чувствуя холодного дыхания зимы, прислушивалась к хрусту снежинок. Отворились двери трактира, оттуда высыпалась развесёлая компания молодёжи. Заметив меня, они подошли ближе, и я увидела, что у одного из них кончики ушей, видневшихся из-под длинных, темных волос, заострены, а внешние уголки больших, темных, почти черных глаз, чуть приподняты к вискам. «Эльф!» — подумала я, счастливо улыбаясь. Компания ответила на мою улыбку весёлым смехом, помахав руками, понеслась дальше, оставляя за собой лишь следы на свежем снегу, терпкий запах тёмного пива и рассыпанный по мостовой смех. Мне очень хотелось пойти за ними, но что-то тянуло меня дальше, и я пошла, ускоряя шаг, потом и вовсе побежала, петляя полу знакомыми улочками, сталкиваясь с редкими прохожими, слыша в спину возгласы удивления...

Наконец, я достигла точки назначения — это была старинная гостиница, вывеску которой я не смогла бы разобрать и при свете дня. Хлопнула входная дверь, из неё, шурша юбками, вышла женщина, по плечам которой рассыпались буйные, черные локоны, она плавно скользнула мимо меня, оставив за собой аромат сирени и крыжовника, да растворилась в полумраке этой странной ночи.

Собравшись с силами, я вошла в дверь, прошла по полутёмному коридору, толкнула следующую дверь, оказавшись в комнате. Там, у стола, на котором стояла оплывшая свеча, огонёк которой затрепетал от сквозняка, сидел неопределённого возраста мужчина.

Я замерла, вглядываясь в его лицо, в его странные, нечеловеческие глаза, почувствовала, как сбивается с ритма сердце, когда разглядела его шрам, пересекающий лицо, белые волосы, перехваченные повязкой, след сошедшего синяка на скуле...

А потом, я проснулась. Проснулась с чётким осознанием того, что я должна сделать.

7: Аэдд Гинваэль.

В Канцелярию мы приехали ещё затемно, мне не терпелось начать преобразование Города, я знала, как должна выглядеть самая маленькая улочка, самый неприметный житель, самый последний камушек в мостовой, и это знание не давало мне усидеть на месте. Поль, волновавшийся не меньше моего, гнал через город, еле выруливая из заносов на поворотах. Он притормозил у главного входа,

я, не дожидаясь, пока он откроет передо мной дверь, выскочила из салона, побежала по ступеням, ворвалась в открытую дверь, бросившись на поиски кабинета.

Харухи спала прямо на столе, свернувшись, по-кошачьи, в клубочек, обвив пушистым хвостом точёные ножки. Звук распахнувшейся двери её разбудил, — девушка-кошка вскочила, испуганно мяукнув, но, увидев меня, успокоилась и смущённо пригладила волосы.

— Мариико-сан, почему так рано?

— Харухи... — Я слегка запыхалась. — Я готова... я согласна!

Исполняющая обязанности главы Шестого Отдела соскочила со стола, схватила меня за руку, счастливо рассмеялась...»

На этом воспоминания Марыльки Гданьски обрываются. Её, замершую, уставившуюся бессмысленными глазами в пространство, завели в небольшую каморку, дверь в которую скрывалась за креслом Харухи.

Девушку положили на низкую кушетку, возле которой теснилось странное приспособление, обвешанное длинными, прозрачными трубочками, каждая из которых оканчивалась иглой. Иглы впились в вены Марыльки, по трубочкам потекла, уходя куда-то внутрь артефакта светящаяся жидкость. Как только первая капля упала в резервуар, город изменился. Медленно-медленно поползла от лестницы Канцелярии незримая волна метаморфозы. Исчезали многоэтажки, менялись дома, и, вскоре, Город стал похож на то, что виделось девушке во сне. Жители выходили на улицы, глядя друг на друга, радовались спасению Города, смеялись, оставляя следы на лёгком, ещё осеннему нестойкому снегу.

Последним, появился указатель, привратник города — на въезде выросла из земли покрытая резьбой деревянная табличка, надпись на которой была сделана на Старшей Речи. Aedd Ginwael - гласили руны.

На ступенях Канцелярии сидел рослый, черноволосый эльф, обнимавший за плечи хрупкую эльфку в изящном, горностаевом токе.

— Скажи, Яевин, это всегда будет так... прекрасно?.. — Эльфка подняла заплаканный взгляд на спутника, всхлипнула носом. Тот же, показав в грустной улыбке ровные зубы, качнул головой:

— Ты же знаешь, Шеала, ничто не вечно... однажды, нам придётся искать нового донора фантазии, и кто знает, что будет твориться в его душе.

Мимо сидящей на ступенях парочки прошёл мягкой кошачьей походкой беловолосый мужчина, ведущий на поводу пегую кобылку. Из-за его правого плеча виднелась рукоять меча.

— По крайней мере, она счастлива... — Прошептала Шеала, поднимаясь на ноги.

Наталия Дурёва

Что же ты? Люди... Люди..

***

— Скоро пройдёт всё. Знаешь, времени очень мало.
В старом ночном трамвае чувства ты рисовала.
Резко, наотмашь, быстро, чтобы не стало больно.
Глушит сознание выстрел, шепчешь себе «Довольна?»

— Лето прошло? — Не знаю. — Что же ты прячешь слезы?
Греешь в ладошках тайну, словно цветок мимозы.
Куришь с затяжкой смело. — Вредно? Плевать, что будет.
—...и по асфальту белым... — Что же вы? Люди... Люди...

Надо же так забраться... — В душу? — Куда уж глубже?
— Боль от ожогов. Пальцы тихо немеют. Дружба
стала продажной денег. — Сердце купить не сможешь!
— Пару в фонтан копеек, чтобы вернуться позже.

— Кто-то за руку тронет, только остаться страшно.
— Эхо былых агоний? — Впрочем, уже не важно.
— Плакать уже не надо... Небо — солёный пудинг...
Кто-то сбивает взглядом. — Что же вы? Люди... Люди...

— Больше кричать не станешь — голос сорвала вечность.
В дикой нелепой стае глупую стала нежность.
Ангел без крыльев... Поздно что-то менять... Нелепо...
Перья в крови и гвозди... Люди... — Совсем ослепли.

— Вера? — В кого, скажите? — В Бога. — Какого черта?
— Поезд, граница, Питер... Линия жизни стёрта...
Знаешь, не стоит хамства. — Кто-то опять осудит.
Тошная боль... — Упрямство. — Что же ты?.. Люди... Люди...

Тихо осень заплакала небу в ладошки,
облака потянулись седой синевой.
Я хожу, словно тень, как уставшая кошка,
и болтаю нелепо о чем-то с листвою.

А мечты на карнизе в окно мне стучатся...
Надоело! Плотней я задёрнула тюль,
только что-то дрожат вновь предательски
пальцы...
За окном не весна и совсем не июль.

Завернусь в одеяло под музыку Стинга,
сердце плачет опять в подворотне дождя.
Жизнь осталась лежать недочитанной книгой
на столе у того, кто забыл, уходя,

нежность рук на рассвете и кофе с корицей,
полустроки стихов и дыхания шёлк,
взгляд наивной души на промокших
ресницах.
И закат без кого-то теперь одинок...

За двадцать

На крышах уже не плачут — театр давно не в моде.
А что же? А это значит — в ЖЖ о плохой погоде
писать пару строк нелепых, как будто сама не знаешь,
что тает в весеннем пепле все то, что осталось в мае.

ВКонтакте, Фейсбук, цитаты... Реальность совсем другая.
И снова ты ждёшь расплаты за сказку с зелёным чаем.
А помнишь, вчера мечтала, и время песком сквозь пальцы?
Неужто тебе все мало в твоих-то уже «за двадцать»?

Учись без сумбура, чётко — рассвет, перекур и ужин.
Уверенной в «я» походкой. Ведь знаешь, бывало хуже.
Стихи возвращай в тетрадку — не стоит соплей и грусти.
Надежда, весна, загадка... Забудь и потом отпустит.

И знаешь, пора раздеться... Пусть он захлебнётся сказкой
Пусть глупое ноет сердце... Не надо слепой огласки.
Под утро в чуть душевой ванной, смывая чужую нежность,
все будет не так уж странно и сладкою станет грешность.

Потом макияж, улыбка, вновь кофе и Vogue с ментолом.
И к черту летят ошибки, и взгляд, что опять с укором.
Актрисы играют лучше. Не хочешь - ищи другую.
Но голос слегка простужен, на ухо опять «люблю я».

Тебе ведь уже говорили

Тебе ведь уже говорили, сейчас запятые не ставят.
Тебя же предупреждали, что острой бывает память.
Тебе же давно рассказали, что чай все равно остывает,
пусть даже и в двадцать третьем твоём подуставшем мае.

Когда-то весь мир по-другому смеялся, шутил и не плакал.
Надежда? Пойми, а толку? Побитой скулит собакой...
Устала? Нет бодрости в кофе? Ну, что ты расклеилась просто?
Все файлы в стихах с паролем. Мечты зазываешь в гости.

Рассвет по ладоням стекает вновь гелем для душа спокойно,
куда-то спешат трамваи и знаешь, уже не больно.
По радио вновь передали - гроза ожидается. Зонтик
с собой не забудь... А впрочем... Плевать... Макияж испортит...

Учись ты опять улыбаться, пусть даже царапают кошки,
но только не надо снова родную искать ладошку.
Тебе ведь уже говорили, а ты все наивная веришь.
Уходишь и ждёшь возврата, открытыми держишь двери.

Тебе же вчера объясняли... Забыла иль глупою стала?
А может в чужой квартире вновь воздуха просто мало?
Тебе ведь уже говорили... А значит, не стоит о главном...
В твоём двадцать третьем мае все в общем-то очень славно.

Первый снег за окном

Под окном первый снег... Как-то глупо и даже печально...
За спиной листопад - миллионы забытых безумств.
Ты остался, увы, неразгаданно-ветреной тайной,
и на сердце теперь непроглядная липкая грусть.

А в душе кое-как я латаю озябшие чувства.
Ухожу в лабиринт из промозглых «Зачем?», «Почему?»
Только вены болят... На запястьях с предательским хрустом
ты оставил взамен лишь ненужную мне тишину.

Многоточие слов распороло нелепые мысли...
Заблудилась? Плевать! Видишь, свет там маячит в дали.
Под ногами опять, как капканы, мотаются крысы,
подбирая в углах снова крошки с оттенком золы.

Первый снег невпопад заискрился продажной надеждой...
В этом мире давно всё истёрлось - немая печать.
Слякоть... Сырость... Озноб... День меняет, как раньше, одежды...
Первый снег за окном... Но ему на меня наплевать...

Армин Курбан

«Логос»

卐

Эдуард Адаманти

Комека

Его тело привычно съёжилось от сквозняка, тянувшего из разбитого окна. Заброшенная, никому ненужная котельная, которую он облюбовал ещё прошлой зимой, служила площадкой для игр местным мальчишкам. Но, с того самого момента, как он поселился здесь, те совались сюда всё реже. Боялись бездомного. Кто знает, что у него на уме?

Слякоть за стенами давно умершего здания, казалось, силилась проникнуть внутрь, и разбудить в его груди всё чаще подступавший кашель. По утрам он отправлялся на городской рынок. Голод поселился в нём вот уже два года назад, и казалось, ни на миг не отступал. Копаться в мусоре поначалу было очень унижительно, но скоро ему стало всё равно. Старый и немощный, никому не нужный, он не чурался чужих объедков, чтобы хоть как-то жить. Засыпая, он вспоминал, что когда-то у него была семья, свой тёплый дом, и сытая жизнь. И сны преследовали его до самого утра. Тем труднее было открывать глаза и осознавать беспощадную реальность. Иногда ему снилась мать. Её добрые, исполненные безграничной ласки глаза. Только её глаза он помнил, как наяву, остальные её черты неумолимо таяли в его воображении. И он плакал. Плакал горестно и безнадежно, силясь понять, чем он всё это заслужил.

Сегодня утром он проснулся позже обычного, зевнул, почесав явственно проступавшие под кожей рёбра, и понял, что что-то не так. Повернув голову, он увидел. И осознал наконец, что вызвало его ощущение. Запах. В большой глубокой тарелке перед ним стоял ещё тёплый бульон, в нём плавали многочисленные кусочки мяса. Рот его сиюминутно наполнился слюной, и, обжигаясь, он торопливо и жадно начал есть. Только когда тарелка вконец опустела, он задумался о том, кто же позаботился о нём. В животе непривычно урчало, ведь он давно отвык от такого количества нормальной еды.

Больше всего он ненавидел детей. Злые, жестокие, они не упускали случая посмеяться над ним, тыча пальцами, или пошвырять в него камни, убегая, крича что-то, разевая рот в тупой улыбке, чуть он повернётся в их сторону.

Поэтому, увидев на пороге своего жилища маленькую девочку, он встрепенулся и встал, недобро щурясь. Но она не побоялась его. Не сморщила нос, показывая, что чувствует вонь, исходящую от давно немытого тела. Она взяла тарелку и ушла, а он смотрел ей вслед.

На следующий день она пришла снова и попыталась заговорить с ним. Рассказывала ему о своих бедах и печалях, а он только молча слушал. Мало-помалу они подружились. Она подарила ему свою куртку, и он спал, укрывшись ею. Он ждал её уже с радостью, приблизительно запомнив время её прихода. Ему было хорошо. Впервые за долгое время он чувствовал, что кому-то нужен.

Так продолжалось три месяца. И настал тот вечер, когда она не пришла. Он нервничал и ходил взад-вперёд по своей жалко обустроенной комнате. Не пришла она и на второй день, и на третий...

Дворник, с утра начавший разгребать кое-где оставшийся талый снег, никак не мог понять, откуда шёл липкий сладковатый запах. Войдя в котельную, он увидел старого, дохлого пса сжимавшего в лапах детскую курточку.

— Нашёл, где подышать, кабыздох проклятый, — выругался дворник и отправился за лопатой и мешком для мусора.

А в светящемся окне на третьем этаже угадывался силуэт кошечки, которую родители всё же подарили девочке, ведь она так давно просила домашнего питомца...

Лиса Салливан

Самолет

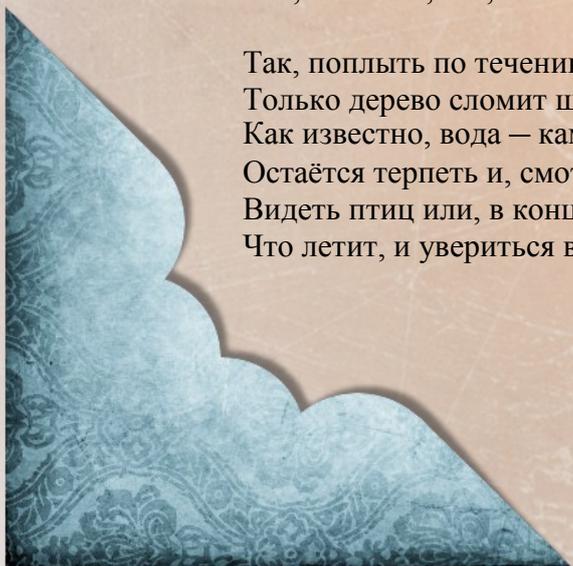
Как берёзовый сок по сознания древу течёт
Мысль, которую стоило взять бы в расчёт,
Если нужно найти оправданье безделью.
В прочем, лень не порок, когда время дано отдыхать,
Но постольку поскольку мне некого больше ругать,
Я ругаю себя и пассивно, но верно, старею.

Моя старость в минутах, а позже — в часах,
Её нет в волосах, но она есть в глазах.
Она есть. Но никто не поверит.
Почерствела душа за какой-то немислимый срок.
Оказалось, спокойствие — тоже порок.
Оказалось, у счастья есть берег.

И смешно говорить, и обидно признать правоту
Тех, кто скажет, что я молода и судить не могу
О грядущем, о прошлом, о нынешнем, ставшем.
Но так хочется взять и упасть той толпы посреди
И дожидаться того, как начнут запинаться свои
И чужие, любимые — позже ли, раньше...

Мне твердят о сочувствие, только вот чувствовать со
Человеком его боль — затерянное ремесло.
В лучшем случае, кто-нибудь «выделит жалость»,
Словно яд из осинового жала. И это в наш век
Сбережёт от отравы из чаши опущенных век
Тех, кто спит, тех, чьё сердце над нами не сжалось.

Так, поплыть по течению хуже, чем встать поперёк.
Только дерево сломит шумящий поток.
Как известно, вода — камень точит.
Остаётся терпеть и, смотря на оконный пролёт,
Видеть птиц или, в конце концов, самолёт,
Что летит, и увериться в собственной мочи...

Павет Серуков

Пафнутий

Пакостный был день. Жаркий-прежаркий, душный-предушный. При том жаркий неожиданно, внезапно, вдруг. Трах-тарарах и плюс двадцать, в середине-то апреля. Совершенно не считалась погода с календарным порядком, никакого пиитету не питала. Свет валялся повсюду, словно мусор, и палил, палил, палил...

В автобусе ехал мужик. Даже не мужик, а, что называется, дяденька, благообразный и нервный как-будто. Солнце, усиливаясь посредством стекла, выжимало из дяденьки пот, раздражая его сверх обычного. Автобус же, надо сказать, полон был до чрезвычайности. Потные туловища жались одно к другому и, что характерно, местечко под люком, откуда дул прохладный ветерок, находилось в страшном дефиците. За него шла неугасимая, молчаливая и оттого вечная борьба. Мужичок, положим, Пафнутий, в ту борьбу включился моментально и влёт, ибо опытен был до ветеранства. И все бы ничего, дело продвигалось — до заветного места два туловища оставалось — как откуда ни возмись (хотя ясно, откуда — с другой стороны салона) мужичина. Здоровенный, что твой сарай, и рожа, рожа! Типичный сукин сын.

— Помилосердствуйте, господа! Давление, астма, коколюш. Воздуху! Воздуху! — заорал мужичина, и давай своими ручищами людей тасовать, туды-сюды, что колоду, напористый, подлец.

Пафнутий, благодаря этим телодвижениям, оттеснён был от заветного места бесповоротно и, вот подлость так подлость, прижат к стеклу. Мужичина же, бессовестная скотина, встал под люком, укоренился, и давай харю свою ветерку подставлять. И ведь жмурится, наглец! «Не на того напал», — злобно помыслил Пафнутий и прибег к средству последнему, подлomu до невозможности.

— Вы не выходите на следующей? Позвольте... Извините... Можно пройти...

Коварный Пафнутий двинулся к самому дальнему выходу, якобы, я повторяю — якобы, он на следующей выходит. Всё ложь, от начала до конца. Через пяток туловищ он приблизился к мужичине. «Вот щас посторонится, и все — в дамках! Тут уж меня не сдвинешь, из-под ветерка-то! А что не вышел, так передумал. Может человек передумать? Может. То-то».

— Пропустите, пожалуйста... — Пафнутий расплылся в улыбке лёгкого превосходства.

— Не беспокойтесь, я тоже выхожу, — ответил мужичина, гадко осклабившись.

Пафнутий смешался. Но потом лицо его просветлело. «Дилетант», — подумал он, глядя на мужичину снизу вверх.

Подкатили к остановке. И что же вы думаете? Эта хитрая гнида, этот шкаф с антресолями, никуда не вышел! Даже намерения подобного не выказал. Пафнутий был настолько обескуражен подобной подлостью, что на время лишился дара речи. Придя же в себя, уставился на мужичину взглядом долгим, сулящим нескончаемые беды и всевозможные проклятия.

Тот, в свой черед, глядел ласково, как змея. По всему видать, сошлись профессионалы экстра-класса. Истинные доки.

«Тут уж кто кого переможет», — страшно помыслил Пафнутий. Миновали ещё остановку. Мужичина и бровью не повёл. Затем ещё одну и ещё. Пафнутий взмок до гадости, липкие струйки пота стекали по спине. Следующей была действительная остановка Пафнутия. «Ну уж нет. Столько терпел и все зря? Бог с ней, с работой. Больным скажусь. Главное до люка добраться. Гниду эту посрамить». И до того ему захотелось посрамить гниду, что не выдержал бедный Пафнутий, прошипел в ненавистное лицо:

— Позвольте встать под люк, господин хороший. Довольно вам здесь... И другим надо постоять.

Мужичина расхохотался победно и... не двинулся с места. На Пафнутия жалко было смотреть. «Вот уж срам, так срам», — подумал он.

Через две остановки мужичина вышел и Пафнутий, смешав в себе ликование и стыд, занял вожаделенное место.

И в наши дни, если сесть утром в восьмой маршрут, можно натолкнуться на старичка, который стоит под люком, даже если на улице и без того зябко. Он ловит дряблым лицом ветерок и благостно жмурится. Можете не сомневаться, (и ни в коем случае не боритесь с ним за место), перед вами тот самый Пафнутий. Поговаривают, он ждёт того мужичину, ждёт уже много-много лет. Не угомонится, старый, хочет «посрамить гниду».

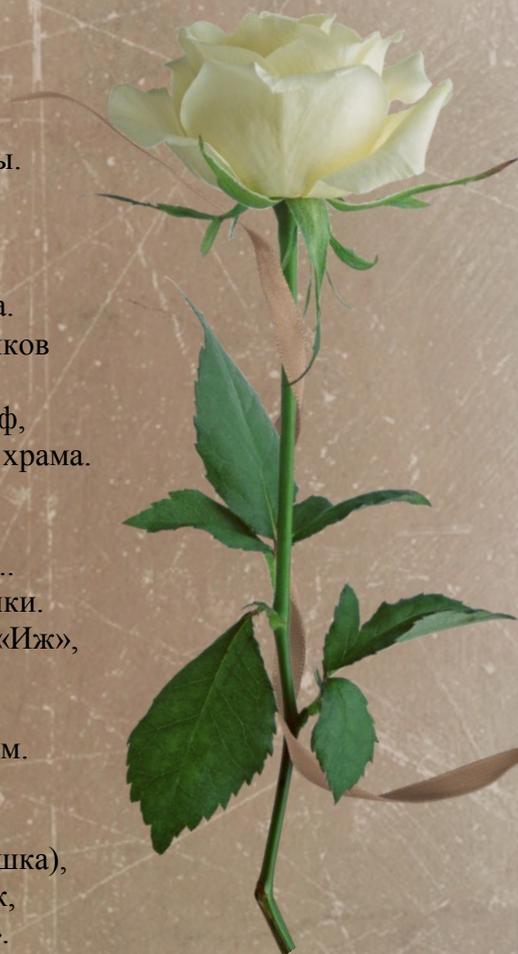
Анна Криволап «Полдень»

Евгений Пивень

Круглый термометр

У веранды есть круглый термометр возле двери
И когда приходило тепло, я всегда сомневался:
Неужели он точный? И дедушка мне говорил,
Будто старые вещи — надёжны, как ловкие пальцы.
Можно выпилить лобзиком всё, чего хочет душа,
Даже лес для прогулок и книги для библиотеки,
Я не знал, что фреза пилорамы способна дышать,
Пыль опилок — желаемый воздух, награда, потеха.
Среди штапиков, стружки, брусков и резных уголков
Я смотрел, как мой дед сочиняет оконную раму.
Сыновьям суждено вырастать от хлевов до Голгоф,
Внукам плотников только дерзить под окошками храма.
Но танцуют года, за фрамугой всё меньше тепла,
Я теперь ненавижу больницы и ровные ёлки,
Презираю халатность за то, что спасти не смогла...
Как ни странно, не верую в степь и полёт перепёлки.
Где-то в памяти вечер прохладный и старенький «Иж»,
Он его называл «іжаком», и наверное другом,
Обожал его скромную скорость и холмики крыш,
Растворяющихся в горизонте за солнечным кругом.

Я учился читать маскировку ужей под гадюк
(Иль гадюк под ужей, это как вам нашепчет подушка),
А мотор возмущался кур-лы-лы-лы-ку, как индюк,
А язык онемел - так прекрасны «медвежьи ушки».
Ёж от страха способен на хищника громко сопеть,
А потом даже фыркать, и лишних колючек не жалко,
Я хочу накопить себе денег на велосипед
И послать всё к чертям, и катить по Балёхиной балке.
Вездесуще круглеет термометр возле двери,
Там — красивый пейзаж и насыпано циферок мелких.
И на лимбе написано вроде бы — «плюс двадцать три».
Но никто больше мне не расскажет, исправна ли стрелка.

Перед вами первая статья в рубрике «Работа над ошибками». Как и в любом деле, с первого раза получилось не совсем так, как хотелось, но в целом — получилось. Итак, в работе над текстом принимали участие: автор текста Александр Данилов, эксперт с филологическим образованием Сергей Романцов и редактор газеты Евгения Литвиненко.

Александр Данилов:
Любовь и Ненависть

Как свет и тьма, огонь и холод,
Они вершат круговорот,
Когда с небес разящий молот
По наковальне чувства бьёт.

Они, как альфа и omega,
Змеинный яд и antidot;
Как раздражение и нега,
Как неудача и jаскрот.

Они — Творец и Разрушитель,
Те грани, чьи края остры;
Один чертог, одна обитель,
Где вечно будут две сестры.

Такие чувства в чистом виде
Имеют свой законный раст.
Нельзя любить и ненавидеть
Одновременно. Это факт.

Когда любовь пройти сумела,
Но не затух огонь костра,
То за сестрою снежно-белой
Приходит тёмная сестра.

Так происходит все обычно,
Но может быть наоборот.
С любовью не знаком я лично,
Другое чувство грудь мне жгет.

Но, может быть, судьбе поверив,
Найду иную я звезду.
Шагами жизнь свою отмерив,
К другому чувству перейду.....

И пробежит мороз по коже,
Иль засияют здесь огни-
Любовь и ненависть так схожи,
Но все же разные они!

Сергей Романцов:

Построфный разбор (номер замечания соответствует номер строфы):

1. Технически хорошо, только образы и выражения не первой свежести (вершат круговорот, разящий молот).
2. Не вижу причин прописывать слово "омега" латиницей. Антidot и джек-пот можно степень противопоставления увеличивает, учитывая, что их антонимы — русские слова. Однако альфа — не русское слово, потому приём не выходит.

3. Вторая строка топорная, не звучит. Далее: что за чертог? Где он, зачем о нём Вы упоминали?
4. Написание слова "пакт" латиницей неоправданно. А в остальном достаточно ёмкая строфа.
5. "Пройти сумела" — такое ощущение, что она к этому стремилась, раз сумела. "Огонь костра" — ещё один штамп.
6. "Жгёт" — неправильное употребление, правильно "жжёт". "Грудь мне жгёт" — немного неблагозвучно.
7. Строфа штампована чуть менее, чем полностью. Я категорически против неё.
8. "Иль" не вызывает дискомфорта. Вот стык слов "так схожи" менее уютен. Строфа, хоть и заканчивает — и правильно заканчивает — стихотворение, является довольно вялой, потому как первая половина проскальзывает мимо сознания как необязательная картинка, а вторая подводит итог стихотворению, но противоречит стихотворению же: где в стихотворении про схожесть что-то есть?

В целом: техника хороша, но вот некоторые лексические и фонические моменты хотелось бы подработать. Да, и штампы не украшают.

А.Д.:

Чертог в данном случае — это сам человек, его душа, разум. Про схожесть начинается с самого начала стиха. Чтобы увидеть тьму, нужно зажечь свечу. Схожесть в различиях. Мужчина и женщина такие разные, но так похожи. «Пройти сумела» — ну так огонь же стремится сжечь топливо. В общем, писал, рассуждая логически, а штамп там или не штамп — мне неизвестно, предпочитаю писать более-менее правильно и небанально. Может, стоило сравнить любовь и ненависть с розовым крокодилом и летающим бегемотом?

С.Р.:

Может и стоило, во всяком случае, было бы Ваше. А эти образы — не Ваши, а общелитературные. "Чтобы увидеть тьму, нужно зажечь свечу" — сами поняли, что сказали? Огонь стремится сжечь топливо, но любовь не стремится кончиться. Сравнение некорректное.

А.Д.:

А разве не все стремится к завершению. Ведь ничто не вечно под луной.

Е.Л.:

"Он сумел умереть", "цветок сумел отцвести до срока", "дерево сумело засохнуть без воды", "сумел скончаться от полученных ран". Если все мы тут только для того, что бы умереть, и сознательно приближаем это, чего же мы дружно не повесимся? Повторюсь: если любовь "сумела" пройти, значит ей что-то мешало, но она очень старалась, и у неё получилось. Преодолевая преграды и невзгоды, вопреки всем обстоятельствам она смогла, сумела, у неё получилось. Попробуйте прочувствовать слово, которое вы использовали. Оно обозначает не вялое пришествие к концу, в ходе естественного процесса, стимулируемого извне. У него вполне конкретно прослеживается значение стремления к цели, вопреки обстоятельствам. То есть получается, что у вас в принципе любовь бесконечна по сути, но вот у этой конкретной получилось ценой определённых усилий завершиться, пройти.

Ни о каком естественном увядании речи не идёт, и "ничто не вечно под луной" тут ни при чём.

С.Р.:

Что я предлагаю изменить:

1. ненужную латиницу на кириллицу,
2. предмет вашего спора: любовь не стремится пройти, Александр, это только уловка для рифмы, надо заменить;
3. предпоследняя строфа самая плохая, одни штампы.

А.Д.:

Любовь и Ненависть

Как свет и тьма, огонь и холод,
Они вершат круговорот,
Когда с небес разящий молот
По наковальне чувства бьёт.

Они, как альфа и омега,
Змеиный яд и антидот;
Как раздражение и нега,
Как неудача и джек-пот.

Они — Творец и Разрушитель,
Те грани, чьи края остры;
Один чертог, одна обитель,
Где вечно будут две сестры.

Такие чувства в чистом виде
Имеют свой законный пакт:
Нельзя любить и ненавидеть
Одновременно. Это факт.

Когда любовь почти сгорела,
Но не затух огонь костра,
То за сестрою снежно-белой
Приходит тёмная сестра.

Так происходит все обычно,
Но может быть наоборот:
Меняет ненависть обличье,
Когда светлеет небосвод.

Луч солнца дарит вновь надежду,
И снова замки строим мы,
Живя как встарь когда-то между —
Среди покоя-суеты...

И пробежит мороз по коже,
Иль засияют здесь огни —
Любовь и ненависть так схожи,
Но все же разные они.

От редакции:

К сожалению, мы немного не рассчитали время, которое потребуется нам на переработку текста, поэтому на данный момент работа ещё не завершена, но так как сроки выхода номера неумолимо приближались, было принято решение опубликовать промежуточный вариант.

Армыр Крoбoлaн "Bacterium"

Анастасия Мануйлова

Библиотеки

Пожар сжирал библиотеки...
Лишь пыль да свет.
Текли невидимые реки,
Плодился бред.

Горела истина и ложь,
Без права снов.
А с неба лил кислотный дождь,
Надежды кровь.

Огонь лизал тома стихов,
Смеёшься ты.
Мы покидали милый кров,
Горят цветы.

И вдаль дорога без огней
И без конца.
Оставим истины людей
Мы без венца.

Мы подожгли вчера дома,
Все книги лгут.
Предали вечности тома
За пять минут.

Окно стекло нам на глаза
Мы жжём людей.
За то, что не смогли сказать
Своих идей.

Пожар сжирал библиотеки.
Мы в них горим.
Мы тихо опускаем веки
И бред плодим...

Кирилл Саракчи

Литературный дневник. Отрывок.

— Мне тоже нравится, но я не люблю мёрзнуть. Можно, конечно, тепло одеться, но это жутко неудобно.

— Вы действительно с другой планеты. Наверное, на Венере всегда лето.

— А на Марсе что? Вечная зима? И что бы ты выбрал тогда?

— Нет. Вечная зима мне нравится меньше, чем вечное лето. Мне нравится так, как здесь, на Земле. В крайнем случае, всегда можно уехать туда, где тепло. Или прохладно.

— Да...

Она задумчиво смотрела вниз. Ветерок чуть шевелил завитые в плавные кудряшки волосы, а в глазах медленно лилась огненная река.

— А ещё я не люблю лёд.

Она повернулась ко мне, ища что-то глазами.

— Я не люблю лёд. Скользко.

— Хочешь зиму, чтобы был снег, но не холодно? И лёд не скользкий?

— И лес под снегом?

— Да.

— Хочу! Только давай ещё здесь побудем? Немножко.

Лифт открыл двери и мы, смеясь, провалились вниз.

Мы так и расстались где-то среди пёстрой толпы. Меня выдернуло оттуда яркое декабрьское утро и, ёжась в ванной, я удивлённо смотрел на свою ладонь, хранящую её последнее прикосновение. Моё отражение пыталось было сказать что-то вроде: «Полный привет!», но мне не хотелось этого слышать.

«Тёплый снег...» Я скатал на ладонях снежок и запустил его в скрюченную старую сосну. Не тёплый, но и не холодный. Так, дразняще прохладный. «И мороз сухой, не зябкий. А может и вовсе не мороз. Наверное, можно расхаживать в шортах. Просто среди сугробов принято одеваться более основательно. И пар изо рта так, видимость». Я поправил простенькие крепления кургузых охотничьих лыж и неловко зашагал между наметённых вокруг нечастых деревьев сугробов. На нетронutom снегу пестрели следы мелких лесных зверушек, распотрошённые шишки и одинокие осенние листья, дождавшиеся снегопадов. Деревья сбегали под уклон и скоро я вышел на большую поляну, на которой, как на блюде, стояла маленькая избушка, по самые оконца заваленная голубым снегом. «Такая вот пастораль».

Дверь, как и положено, открылась внутрь. В домишке, срубленном из вековых сосен было чисто и пусто. Я нашёл заготовленные лучинки и затопил небольшую печь с плитой и маленькой лежанкой, разве что для кота. Поискал в сених лопату и принялся бросать лёгкий пушистый снег. Забравшись на крышу, я сталкивал с неё рассыпающиеся искрами пласты снега, потом вырыл широкую траншею вокруг избушки и, идя по своим лыжным следам, пробил тропинку до самой опушки, где две огромные тёмные ели сплелись в арку. Солнце уже спряталось за пологую крышу, когда я добрался до елей. Руки и спина приятно налились тяжестью, а желудок радостно отзывался на лёгкий запах печного дыма.

Я аккуратно поставил брошенные у двери лыжи, отряхнул лопату и, потопав ногами,

скрипнул дверью. В доме было тепло и сумрачно, но теперь я заметил домотканые половички и цветастые деревенские коврики на стенах. Я нашёл грубые толстые свечи и керосиновую лампу, какие-то припасы, простую посуду, сточенные ножи и тяжёлые вилки-ложки, нашёл валенки и вышитую жар-птицами скатерть. Весь вечер я гремел котелками и сковородками, потом сидел за столом у плачущего окошка, грел воду и мыл посуду, согревал на печи толстое одеяло и подушки с кровати, курил у крылечка, глядя на знакомые звёзды, чувствуя, как легонько мёрзнут уши и горит лицо и думая о том, как здорово будет сейчас вернуться в тепло, о том, как здесь здорово и о том, что хорошо бы остаться здесь, и о том, к какому окошку поставить на ночь свечку, если, вдруг... если кто-нибудь забредёт ночью на мою поляну.

Я подпёр щеколду висящим на верёвочке колышком, долго ходил взад-вперёд, мягко ступая обрезанными валенками, потом, побоявшись, что свеча может случайно погаснуть, поставил на толстый подоконник керосиновую лампочку.

Постель пахла тёплой сыростью.

Такой была новогодняя ночь.

Давно нетопленая избушка за ночь остыла, и я зябко кутался в одеяло, когда сквозь муть утренней дрёмы услышал стук в оконце. Минуту спустя — в другое, и ещё раз.

Я выдернул колышек и поднял заиндевевшую щеколду.

— Привет!

— Здравствуй!

— Как здесь здорово! Я видела белку! И снег не холодный... Ты давно здесь?

— С прошлого года.

— Как!? А я? Почему я?...

Я пожал плечами.

— Новый Год нужно, говорят, встречать с семьёй. Да пойдём же, что ты мёрзнешь!

Мы пили тёмный чай с какими-то ужасно твёрдыми сушками, которые приходилось размачивать, и улыбались друг другу. В печке снова потрескивали дрова, и солнце ярко светило в обмёрзшее окошко.

— Я не понимаю, почему так получилось...

— Знаешь, я тебя не ждал вчера... Я думал ты придёшь поздно ночью или утром. Так и получилось.

— Понятно. Наверное, ты очень-очень сильно меня не ждал. — она взяла меня за руку. — Я не обижаюсь. Просто мне жаль, что ты был один здесь. Я понимаю почему, но не знаю, как тебе помочь.

— Вот ты пришла и помогаешь. Не грусти, всё это не страшно.

Мы бродили по лесу, ломали еловые лапки и украшали дом, водили хороводы вокруг всех подряд ёлочек, ещё раз в два расширили траншею вокруг дома, насыпав целый крепостной вал снега. Она что-то готовила, преувеличенно-сердито ворча на мои вчерашние кулинарные опыты, и раскатывала по снегу половики, а я, посмеиваясь, курил сидя на лесенке прислонённой к крыше. Вечером мы снова пили чай у плачущего оконца.

— Я пирог испеку, если ты не будешь мне мешать.

— Не буду. Обещаю! Завтра.

— Завтра. Давай будет завтра?

— И послезавтра.

— И послепослезавтра!

— Давай.

Завтра было. И послезавтра...

Я то просыпался, видя её в каких-то заботах, с неизменной тёплой улыбкой в глазах, то

приходил на лыжах откуда-то из лесу, неся за плечами тяжёлый рюкзак, то просто оказывался, вдруг, рядом с ней на коврик у открытой печной дверцы. Мы о чём-то говорили, но мне почти ничего не запомнилось, да и не это было главным. Сейчас, когда для меня нет никакой разницы во сне это происходило или наяву, мне кажется, что она осталась в доме, который я выбрал (или он выбрал меня?), посреди нелюбимой зимы, только ради меня. Только ради того, чтобы я не возвращался в пустую избушку. Не знаю легче мне от этого было или тяжелее – тогда не было времени и сил над этим задумываться. Я просто радовался приближению ночи.

По чёрным, растрескавшимся поленьям пробегали голубые всполохи. Слабый свет догорающих дров едва освещал её лицо, вычерчивая лишь контур. Она сосредоточенно смотрела в огонь и даже улыбка куда-то спряталась.

– Ты ушёл вчера ночью, а я вышла и смотрела на звёзды. Такие яркие, как тогда, на крыше. Только здесь они... живые...

– Знаешь, тогда, на том небоскрёбе я думал совсем о другом. Мне вспомнился почему-то Экзюпери. «Ночной полёт». Я даже не помню толком, о чём там. В те времена по ночам почти не летали, тем более в сложных условиях. Что-то там случилось... Это было где-то там в Южной Америке, и мне сразу же вспомнилось... Странно, смысл не помню, а настроение осталось. Помнится.

– А я знаю только «Маленького принца».

– Это, наверное, лучшее. Там есть всё.

– Грустно.

– Грустно, потому что писал взрослый человек, и не для кого-то, а для себя, наверное. Я всё думал о том, что он ведь был, прежде всего лётчиком. И погиб как лётчик и как воин. Я думал, что, вот, люди всяких романтических профессий – моряки, лётчики — очень редко способны поделиться этой романтикой. Многие из них пытаются, но получается как-то напыщенно или, наоборот, невнятно и неинтересно. Только единицам удастся... А потом, вдруг, вспомнил одну древнюю истину о том, что не место красит человека. Если внутри ты Экзюпери, то будь хоть трактористом в богом забытом колхозе – ты сможешь так рассказать... даже не о тракторе, нет, просто о том, что видишь вокруг себя... Так рассказать, что люди захотят ехать в глушь чтобы жить как ты и, может быть, увидеть то же. И если тебе однажды, вдруг, захочется смастерить маленькую коробчёнку, то, вполне возможно, там окажется крохотный спящий барашек.

Поленья в печи разваливались, рассыпая искры. Искры сменяли голубые огоньки.

– Жаль, что я не могу тебя читать...

– Хочешь, скажу, где можно поискать, но утром ты ведь ничего не вспомнишь.

– Утром... Да. Не вспомню...

– И, знаешь, это не большая потеря. Честно.

– Ну и что? Ты – писатель, а я не видела ни одной твоей строчки. И вообще, как ты можешь судить о себе?

– Скажешь тоже, писатель...

– Но ты ведь хочешь, чтобы это стало твоей единственной работой.

– Да... Просто мне хочется сделать что-то... Что-то большее. А для этого нужно чтобы это стало работой, единственным занятием. Я на это надеюсь, хоть и не знаю, будет ли какая-то польза.

– Будет. Даже и не думай.

– А если я стану писать по ночам, а отсыпаться днём?

– А какая разница?

– А ты...

– Я никуда не денусь.

Она прижалась лицом к моим волосам и прошептала:
— Никуда я не денусь...

Я не стану описывать, то, что было дальше. Не знаю как это объяснить... То настроение, тот накал и нежность сделали бы честь любому тексту не привнеся в него ни грамма фривольности, но разложить испытанное мной той странной зимней ночью по полочкам строк выше моих сил. Даже здесь, в тексте, который никто не прочтёт, я не могу этого сделать. Мне бы хотелось, чтобы это продолжало жить во мне таким же бесформенным мягким комком, как и до сих пор.

Мне кажется, я видел её лицо...

Целиком текст повести читайте тут: <http://www.proza.ru/2010/11/10/381>

Благодарности

Хотелось бы сказать огромное спасибо всем тем, без кого этот номер просто не вышел бы: это младший редакторский состав: Мария Исаева, Луиза Мударова, Артем Вахрейн, Марина Филатова, Дмитрий Лебедев, Денис Филиппов, Юлия Привалова.

Кроме того, отдельная благодарность Сергею Романцову за помощь в организации работы рубрики «Работа над ошибками».

С вами было приятно работать, и мы надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Наши контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашего форума — <http://gazeta.atakasov.pp.ru/forum/>

Наша группа Вконтакте — <http://vkontakte.ru/club5903087>

Наша страница на сайте proza.ru — <http://www.proza.ru/avtor/gazetabuk>

Наша страница на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>